

Глава V. МАЙ 1919

Была глубокая ночь, когда мне принесли сводку с телеграфного аппарата со штаба 2-й Украинской армии Скачко. В ней говорилось:

«Оперсводка на 3 мая 1919 г. штаб 2-й Укр. армии.

Южный фронт. — Противник занял Мандрыкино, Рутченково, Юзово, Хацапетовку, но контратакой наших частей положение было восстановлено. Восточнее нами оставлено Чернухино и Первозвановка, противник наступает. К югу от нижнего течения р. Маныч наше наступление продолжается; бои в 40 верстах восточнее Ростова и 30 верстах восточнее Новочеркаска в районе Маныч и Богаевская. Атаки противника на ст. Торговую отбиты с большими для него потерями. Упорные бои на всем фронте.

Крымский фронт. — Крымское побережье занято нашими частями до г. Керчи, за обладание которого идут бои.

Юго-западный фронт. — Нами занята Шепетовка, г. Острог, Каменец-Подольск и вниз по течению Днестра до Черного моря. Петлюровцы разбиты и бегут в Галицию и Румынию.

Западный фронт. — Наши части с боем заняли г. Столия, что в 40 верстах южнее г. Луинца. К северу противник отступил за р. Ясельду. Нами заняты г. Новосвенцяны, бои в 4 верстах ю.-з. Вильно и в 30 верстах северо-восточнее Мариенбурга. Наши отошли западнее Петрозаводска.

Северный фронт. — Без перемен.

Восточный фронт. — Упорные бои в 5 верстах южнее г. Оренбурга. Бузулукско-Богурусланский район: противник развивает наступление, заняв Карабиново и продвинулся на 15 верст к р. Шламко. Наши отошли южнее 50 верст Чистополя. Наступление противника в 15 верстах с.-в. Елабуги нами отбито»[389].

— В общем, в Сибири дела наши неважные, — заговорил я к начштабу Давыдову[390] (быв. комполка 11-го). — В Крыму и на западе великолепно. А вот с Деникиным, что будет: он готовится, да не на шутку!?

Вдруг зазвонил телефон; я взял трубку и ужас... снова прорыв Шкуро, но на этот раз через село Карань.

10-й Донской полк, занимавший с. Карань, не выдержал атаки и с боем отступил в Игнатьевку, где в резерве стоял 3-й Советский полк. Не приняв боя, Шкуро прошел станцию Карань, спустился через Анатолию на Чердакли и к вечеру занял с. М. Янисоль. Его силы достигали свыше 5 000 сабель при пулеметах и восьми орудиях. Пришлось снять с фронта

Покровский и 11-й Игнатъевский полки и бросить на ст. Розовку в прикрытие бронепоезда «Спартак». Со стороны Полог Махно вывел подкрепление (1 000 штыков).

Заблаговременно мы заняли господствующие высоты, подтянули другой бронепоезд. И когда Шкуро 5-го мая вышел из с. М. Янисоль на Темрюк, как был встречен нашей пехотой у Каменных Могил. Не выдержав ее огня, неся потери, он повернул на ст. Розовку, где был встречен двумя бронепоездами и батальоном пехоты.

Был жаркий бой, в результате которого Шкуро потерял обоз, до 1 000 раненых и убитых, 2 орудия и много лошадей. Он снова, как и прошлый раз, на замороженных лошадях, вернулся на Дон, а мы заняли старые свои позиции на р. Кальмиусе.

Если попытка Деникина, прорвать фронт корпусом Шкуро не удалась на нашем участке, то донская конница генерала Богаевского в это время атаковала г. Луганск. Там было что-то невероятное. Части 8-й армии отступили юго-западнее Луганска, таким образом, подвергнув опасности город. Донцы бросились на него с юго-восточной стороны, недобитые красные полки дрогнули и побежали. Рабочие-луганчане выступили против донцов и шесть часов дрались на улицах, а затем отступили из города в северном направлении и вместе с 8-й армией укрылись за Донцом. Таким образом, 3-го мая Луганск был сдан противнику.

Третий деникинский удар был на Маныч, точно такой, как на нашем участке и в Луганске. Здесь шли атаки с переменным успехом и лишь три дня спустя красные части постепенно начали отход.

Итак, Деникин с 4-го мая по всему фронту перешел в решительное наступление. К этому времени Красная Армия достаточно не была подготовлена к самообороне и оставалась с незначительными резервами, которые, по мере усиления боев, с каждым днем таяли. К тому же украинское командование смотрело на деникинский фронт, как на мертвеца, который не сегодня-завтра должен быть погребенным и главное внимание уделяло румынскому и галицийскому, стараясь соединиться с Венгерской красной армией. Поэтому с нашей стороны даже не было единого командования против Деникина, отсутствовала единая воля, направляющая армию, по известному пути, не было организовано снабжение и нормальная доставка боеприпасов.

Против Деникина, как я упоминал, стояли Красные Армии: 10, 9, 8, и 13-я под командованием северного красного штаба, а махновцы под командованием украинского.

Высшее командование все еще согласовывало.

В своей докладной записке Антонов-Овсеенко писал Главкому 3-го мая 1919 года:

«Приказ о передаче 2 армии Южфронту не получен. В дальнейшем прошу иметь в виду, что сейчас Укрфронт выделить более ничего не может без крайнего ущерба — в 30 верстах от Киева кулацкое восстание, до трех тысяч хорошо вооруженных с 8-ю орудиями, у Шепетовки враг еще не сломлен, поляки у Ковеля наступают к Ровно, тесня теснимых и нами петлюровцев, но угрожая и нам. Венгрия умоляет о помощи, происходит формирование расшатавшихся частей, слабо с артиллерией, обозом, части почти разуты,

недостаточно дисциплинированы, нельзя их без вреда отсылать в другое командование. Опять прошу предоставить таганрогское направление Укрфронту, здесь громадная военная организационная задача, которая не по плечу Южфронту»[391].

И только с занятием Луганска Украинское правительство вынуждено было обратить внимание на серьезность деникинского фронта, но было уже поздно!

Еще с марта месяца в Великороссии шла мобилизация на Колчака, начавшего развивать наступление. Но к Украине как бы и это не относилось. Она себе потихоньку да полегоньку формировала государственный аппарат, приводила в порядок партизанщину, готовилась прорваться на помощь в Венгрию.

Украинская Красная Армия, в основном, состояла из добровольцев партизан и повстанцев. Это середняцкая масса и как середняк своей оформившейся политической физиономии не имела, она была изменчива и не большевистская и болталась в промежутке революции и контрреволюции. Она была в свое время непокорна и восставала против гетмана и Петлюры за Советскую власть, за землю. Но с появлением Советской власти надежды середняка рухнули. Имена помещиков, земли сахарных заводов и другие земли переходили от буржуазии в государство, а не в руки середняка, нуждавшегося в земле. Каждая неосторожность маленького или большого организатора, гражданского или военного комиссара середняком не забывалась. А, ведь, эта группа была самая многочисленная, самая активная.

Таким образом, на Украине создалась неблагоприятная почва для середняка, а тем более для кулака. Оставшиеся петлюровцы и гетманцы ловили рыбу в мутной воде, авантюризм, как следствие смены режимов, начал процветать пышным цветом.

Ранее разбитые петлюровцы скрывавшиеся в лесах близ ст. Турчинки, начали своими налетами на государственные учреждения давать о себе знать. Известный повстанец Заболотный в районе Балты собрал отряд и разогнал Совет, на Киевщине к третьему мая существовал «Ревком», организованный известным эсером Зеленым, поднявшим восстание в с. Васильково Сквирского уезда. Отряды Соколова, Коваленко и десяток других помельче, оперировали в Рамышинском уезде, а в Екатеринославском — анархиста Шубы (300 человек) и эсера Горбенко (200 человек), все они убивали коммунистов и совработников, разрушали государственный аппарат.

В. П. Затонский писал, впоследствии, в своих мемуарах:

«Крестьянская масса в то время еще не успела расслоиться, бедняк (даже батрак) еще целиком находился в плену старых собственнических, типично мужицких настроений и сплошь да рядом выступал против коммунистов.

Многие детали этого взрыва крестьянской массы против коммунистов требуют подробного исследования и освещения, как например: движение атамана Зелёного на юге Киевщины, движение, в котором принимали участие преимущественно беднейшие элементы села...

Как бы там ни было, весной 1919 года вся Украина клокотала и бурлила»[392].

В апреле на Украине было зарегистрировано 93 антиправительственных выступления[393], на подавление которых к началу мая 1919 года использовалось 21 тыс. человек только регулярных войск, 20 орудий, 140 пулеметов, 3 бронепоезда[394].

Еще с середины марта вспыхнуло казацкое восстание по обеим берегам р. Дона на участке Казанская-Вешенская. Выделенный из состава 9-й армии экспедиционный корпус с восставшими не справился. И чем сильнее были репрессии со стороны корпуса, тем больше росло сопротивление. К середине апреля у восставших насчитывалось до 30 000 бойцов при 6 орудиях и 27 пулеметах, а к 5 мая оно увеличилось до 50 000 восставших. Правда, хотя эта армия защищала свои станицы и не наступала, однако, она имела большое влияние на ход военных операций против Деникина.

Мы у совправительства тоже считались ненадежными и бунтовщиками, но не те 72 волости с населением в 2 с лишним миллиона человек[395], интересы которых мы представляли, являлись силой, с которой нельзя было не считаться, или расправиться «обычным» путём.

Это был народ... И мы были честны в идеологической борьбе со своими противниками, создавая им условия для пропаганды своих идей в наших рядах, несмотря на отсутствие взаимности.

В политической сводке Информационного разведывательного отдела Политотдела Реввоенсовета Укрфронта от 3-го мая 1919 года говорилось: «Сов. секретно. 2-я армия. 3-я бригада Махно.

В бригаде положение улучшается. Приняты энергичные меры. Издаётся в бригаде, в противовес анархистской пропаганде наша газета “Красное Знамя”, пользующаяся широким распространением в бригаде. Во всех полках имеются коммунистические ячейки. Борьба с анархическим и лево-эсеровским течением затрудняется тем обстоятельством, что со стороны коммунистов выступает почти вся молодежь, не имеющая соответствующей политической подготовки. Крестьянство, пополняющее бригаду, большей частью не организовано. Левые социалисты-революционеры и анархисты запугивают крестьянство коммуной и комбедами.

Отношение между политкомбедами и командным составом натянутое, что объясняется с одной стороны — анархистским настроением командного состава, с другой — неподготовленностью наших политработников...

Справка: Разговор по прямому проводу с заведующим Политотделом Марковым от 2-го мая с. г.

Начальник Политотдела — Басов Зав.Информ.

Разведывательным отделом (подпись)»[396].

А 4-го мая 1919 г. работавшая в наших войсках комиссия Высшей Военной инспекции, вынесла заключение:

«... В частях Махно комиссия В. В. И. выяснила самую организацию войск, определила боеспособность, наладила отчетность, дала бланки, книги, приказы и руководства и пр. Кроме того был просмотрен и аттестован командный состав: тоже было сделано и другой Комиссией в частях тов. Григорьева. Каких-либо других более радикальных мер от Высшей Военной Инспекции не исходило, за неимением средств исполнения, которые должны были исходить от старшего военного командования.

Ввиду того, что в настоящее время район расположения отрядов Махно и Григорьева все увеличивается и в ближайшем тылу отдельные части разбойничают, буйствуют, и среди некоторых частей ведется антисоветская агитация, Высшая Военная Инспекция полагает необходимым для прекращения подобного безобразия, позорящего славное имя Красной Армии и подрывающего престиж Советской власти принять срочно следующие меры: 1) Послать надежные дисциплинированные Красноармейские части для посылки (так в тексте. — А. Б.) бесчинствующих банд, для введения дисциплины, для содействия переформирования войск Махно и Григорьева в регулярные части. 2) Послать комиссию Высшей Военной Инспекции под председательством опытного политработника, в составе крупных военных специалистов из В. В. И., а также представителей от Штаба Комфронта тов. Антонова и штаба тов. Дыбенко, чтобы придать отрядам тов. Григорьева и Махно организацию регулярных частей, произведя в них коренную реформу: а) поднять вопрос об отстранении от должности т. Григорьева и т. Махно, назначив над ними следствие; б) распустить их штабы, с привлечением к законной ответственности; в) заменить значительную часть командного состава сверху донизу более подготовленным; г) наладить хозяйственное делопроизводство и отчетность; д) установить порядок удовлетворения добровольцев всеми видами довольствия на общих основаниях, а не путем незаконных реквизиций и контрибуций, как это было до сего времени.

Лишь при условиях отпуска материальной части, довольствия и отпуске кредитов будет дана возможность переформировать части: е) влить в состав каждого из полков коммунистические ячейки из рабочих красноармейцев; ж) наладить политическую, культурную, просветительную работу.

Заместитель Председателя Высшей Военной Инспекции Л. Жмудский

Военный Руководитель Высшей Военной Инспекции Н. Семёнов

Заместитель Управляющего Делами Высшей Военной Инспекции»[397].

Но на Украине много было людей, которые трезво смотрели на происходящее.

Так, например, в газете «Наш Голос» от 26 апреля писалось:

«...Но как бы ни относиться к движению Махно и другим крестьянским движениям, ясно одно, все эти движения вызываются и уничтожить это недовольство одними “решительными мерами” репрессий не удастся. Нужно пойти навстречу справедливым требованиям деревни. Этим в значительной степени будет ослаблена опасность, грозящая Советской власти изнутри от тех, кого она еще вчера считала своим союзником и кто сегодня превращается в контрреволюционеров»[398].

В начале мая на Украине наметилось единое командование в лице Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, в состав которого вошли тт.: Раковский, Подвойский, Шлихтер, Жарко, Бубнов, Богдатенко и Антонов-Овсеенко — Командующим фронтом.

Но что мог сделать Совет Обороны? Он провозгласил Украину военным лагерем и подчинил ее государственную и хозяйственную деятельность требованиям войны. Но Наркомат военных дел Украины работал плохо. Его местные органы чрезвычайно раздуты и содержали около 30 тыс. военных работников[399], а толку не было. Украинская армия была не укомплектована, снабжение не организовано.

Каждая армия, дивизия, бригада, полк, самостоятельно пополняли свои ряды добровольцами, которые шли в большей мере с тем, чтобы добыть винтовку, а затем уйти в лес. Почти все полки были без собственного обоза, ездили на крестьянских подводах, снабжаясь за счет того района, отором дислоцировались...

Можно ли было воевать?! Да, можно, но весьма трудно!

Наш Южный фронт организационно болел, отчего в течение трех месяцев Красные Армии топтались на одном месте, объедая и надоедая населению.

Директива Главкома от 5 мая 1919 г. требовала:

«Положение на Южфронте сильно осложнилось численным приростом сил противника, превосходящих наши силы на Южном фронте на 20 тысяч штыков и сабель в общей сложности, а равно восстанием в Донской области, в тылу Южфронта. Наши резервы отвлечены на Востфронт. В дальнейшем усиление Южфронта будет производиться за счет войск Укрфронта.

Вам придется двинуть на Южфронт все те силы, которые останутся после выделения достаточных сил для действия в направлении Буковина — Будапешт и для обороны в юго-западном направлении и в южном направлении, которые в настоящее время являются второстепенными. Вы должны выделить такое количество частей, чтобы самым срочным порядком выполнить мои приказы, переданные телеграммами за № 1935 (оп, 2029) оп...»[400].

Обстановка создавалась угрожающей и желая ее разрядить В. И. Ленин 5 мая телеграфировал Раковскому, Подвойскому и Антонову:

«От вас до сих пор ни одного точного, фактического ответа, какие части двинуты в Донбасс, сколько ружей, сабель, пушек, на какой станции передовые эшелоны. Взятие Луганска доказывает, что правы те, кто обвиняет вас в самостийности и в устремлении на Румынию. Поймите, что вы будете виновны в катастрофе, если запоздаете с серьезной помощью Донбассу»[401].

И тогда же 5 мая: «Киев, Антонову, Подвойскому. Копия Раковскому.

Цека партии объявляет суровый выговор Антонову и Подвойскому за то, что, вопреки обещаниям и несмотря на многократные настояния, ровно ничего серьезного для освобождения Донбасса не сделано. Цека требует напряжения всех сил и предупреждает, что иначе предаст партийному суду.

От имени Цека Ленин»[402].

Тогда же, 5 мая 1919 г., постановлением, принятым Временным рабоче-крестьянским правительством Крыма из советских войск, находящихся на территории Крыма, была образована Крымская советская армия. Вторая бригада Заднепровской дивизии преобразовалась в армию, с командармом П. Е. Дыбенко. Армия состояла из 1-й и 2-й Крымских дивизий общей численностью, по данным на 1 июня 1919 г., 8 650 штыков, 1 010 сабель, 48 пулеметов, 25 орудий[403].

Итак, из Заднепровской дивизии осталась только наша 3-я бригада, которая подчинялась непосредственно командарму 2 Скачко.

Шестого мая вечером Махно через Волноваху проехал на Мариуполь с гостем, известным старым анархистом-литератором Гроссман-Рощиным, прибывшим из Москвы, и другими так называемыми анархо-чернорабочими: Соболевым[404], Гречаником, Глазгоном и Ковалевичем. Последние направлялись в Мариуполь для усиления штата контрразведки.

В отношении Гроссман-Рощина Махно сказал мне наедине: «Он среди анархистов — авторитет и является одним из руководителей московской федерации анархистов, откуда-то появился слух, что он является одновременно и политическим информатором ЧК. Но выразить подозрение путем недоверия — некрасиво. А если слухи — провокация ЧК? Да мы ни от кого и не прячемся. Нам надо одного, чтобы в верхах знали истинное положение вещей. Для нас он не недоброжелатель и поэтому мы его допустили ко всему. Он уже провел несколько лекций на тему: “Октябрьская революция и тактика анархо-синдикалистов”. Так вроде что-то проскальзывает. Пусть информирует. Но ты об этом должен знать, и этот разговор не для прессы.»

Уезжая они оставили для распространения пакеты с прокламациями.

В одной из них говорилось: «Приказ № 50.

1919 года Мая 6-го дня, представители штаба 3-й бригады имени Батьки Махно и представители Ревкома г. Бердянска вынесли следующее постановление:

Вся власть в городе и уезде по внутреннему распорядку принадлежит Уездному Революционному Комитету до созыва Уездного Совдепа, а затем, Совдепу.

Все требования для нужд Бригады передаются Штабом Бригады в Ревком, или соответствующий отдел Ревкома, которые и удовлетворяются по мере возможности.

Во всех случаях недоразумений чины Бригады передают таковые в Штаб, который и выясняет недоразумения с представителями Ревкома.

Всякие самочинные реквизиции, обыски и т. п. действия безполномочного представителя Штаба и Ревкома воспрещаются, и лица, преступившие это постановление, в каком бы чине ни были, несут ответственность, как за грабеж.

Начальнику Гарнизона приказываем строго следить за соблюдением этого постановления.

Председатель собрания Батько Махно

Секретарь С. Дыбец

Представители Бригады: Озеров, Куриленко, Каретников

Представители Ревкома: Куликов.

Бердянская Советская типография»[405].

В сводке информационно-инструкторского подотдела НКВД о политическом положении в Гуляй-Поле от 7 мая говорилось:

«В селе Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губ. находится “Штаб батько Махно” и Военно-Революционный Совет Гуляйпольского района, избранного районным съездом. Анархисты устроили здесь свой центр. Сюда стекаются они из Москвы, Петрограда, Харькова, Екатеринослава и проч. Их несколько групп, которые спорят между собой. Недавно была закрыта анархистами газета “Набат”, издававшаяся группой анархистов и левых с.-р. Здесь было много с.-р. (левых), число которых за последнее время уменьшилось, о характере агитации и вообще работы скопившихся здесь политических проходимцев говорят протоколы, прокламации и проч. издания Гуляй-бандитские. По уверениям Гуляй-Польского Военно-Революционного Совета их работа охватывает более 72 волостей...

Мародерство дополняется систематическими конфискациями и эвакуациями угля, рабочих, денежных знаков с наличностью, типографии, заводского оборудования и пр., что творится уже по приказу командования 3-й бригады. Все направляется к Гуляй-Полю, где предполагается организовать патронные и снарядные заводы...

Маруся Никифорова с револьвером в руке требует от политотдела представления ей докладов, адресуемых высшей инстанции. Политком бригады Петров (бывший председатель Бахмутского Совета до немцев) ничтожный и даже подозрительный человек.

У Гуляй-Польских деятелей есть стремление расширить свое влияние далеко за пределами захваченного ими района, их агитаторы появляются в других армиях.

Если не принять за жест заявление Махно — Скомский (арестованный в 13 армии) был командирован от бригады по важным делам в Самару. Между Махно и Григорьевым происходил обмен делегациями и велись переговоры по проводу. Махно заявлял Григорьеву, что он ему не сочувствует. В Гуляй-Поле работают две типографии, сюда из Мариуполя везут еще одну. За последнее время в район стекается множество темных и

подозрительных элементов...»[406].

Рано утром 7-го мая в Гуляйполе прибыл Каменев[407]. Из Мариуполя был вызван, Махно, который по дороге заглянул ко мне в штаб, теряясь в догадках.

«Не знаю, зачем он приехал? Каменев большая шишка, он чрезвычайный уполномоченный Совета Труда и Оборона. У него большие полномочия и приехал он к нам неспроста. Только что был Антонов-Овсеенко. Наш район откровенно блокируется и имеется слух, что в конце апреля в Москве состоялось специальное заседание ЦК РКП(б), и на нем принято предложение Троцкого о ликвидации командного состава наших войск и анархического движения. И действительно к нам зачастили высокие гости. Не его ли последнее слово? Хотя не должно быть. Александровцы пакостничают. Доносят такие выдумки в верха, что удивляюсь, откуда у них столько фантазии. Очевидно это разработанный сценарий, и они делают то, что от них требуют. Иначе они не посмели бы.

Как воевать?! Ты, Виктор, будь готов ко всему, глупым пахнет! Ну да, что будет, надо ехать!»

Он уехал.

А события разворачивались так, 19 апреля 1919 г. в Харьков из Москвы прибыла экспедиция во главе с председателем Моссовета Л. Б. Каменевым, который являлся чрезвычайным уполномоченным Совета Труда и Оборона. Его сопровождали члены ЦК РКП(б), бывший депутат государственной думы т. Муранов, чрезвычайный уполномоченный СТО т. Ломов, член ВЦИК т. Зорин, члены коллегии НКПрода тт. Свидерский и Бранденбургский, член коллегии московского продотдела т. Вульфсон.

Официально задача экспедиции состояла в следующем: 1) устранить трения между Москвой и Киевом; 2) ознакомить украинских работников с экономическим положением севера; 3) ознакомиться с украинскими продовольственными и транспортными перспективами; 4) найти практические меры для оказания помощи голодающему центру и северу.

Провели ряд заседаний в Харькове, решили снарядить три комиссии в районы, где действовали армейские части Махно, Дыбенко и Григорьева для обследования их действий, собрав предварительно у НКПрода и НКвоена имеющийся обвинительный материал.

По объявленной на Украине разверстке в 100 миллионов пудов[408] постановили «сосредоточить весь заготовительный аппарат Компрода в уездах: Елисаветградском, Мелитопольском, Бердянском и Днепропетровском, двинув туда вооруженные силы для обеспечения хлебом севера, армии, Донбасса и железных дорог»[409], то есть занять своенравный повстанческий район войсками для последующей его обработки.

Но в результате наступления Деникина и неуспеха советских войск, первоначальный план ликвидации махновщины был изменен[410].

Как только Ленину стало известно о потере Луганска, он телеграфировал Каменеву:

«Абсолютно необходимо, чтобы вы лично, взяв, если надо, на подмогу Иоффе, не только проверили и ускорили, но и сами довели подкрепление к Луганску и, вообще, в Донбасс, ибо иначе нет сомнений, что катастрофа будет громадная и едва ли поправимая. Возьмите себе, если надо, мандат Киевского Совета Оборона. Мы, несомненно, погибнем, если не очистим полностью Донбасса в короткое время. С войсками Махно временно, пока не взят Ростов, надо быть дипломатичным, послав туда Антонова лично и возложив на Антонова лично ответственность за войска Махно»[411]. И Кашил[412] продолжить обследование «наиболее угрожаемых партизанщиной районов».

Горевым была отправлена в адрес Каменева телеграмма с приглашением к Махно в Мариуполь, в полевой штаб 3-й бригады, но по желанию москвичей местом встречи было назначено Гуляйполе.

Секретарь Каменева, естественно, подчистив и умолчав, где надо и что надо, следующим образом описал пребывание Каменева в «угрожаемом районе»:

«...Поезд экспедиции, хорошо вооруженный пулеметами и бойцами, прибыл в Гуляй-Поле рано утром 7 мая. Поезд встречали Маруся Никифорова, адъютант Махно Павленко, Веребельников (Веретельников Борис. — А. Б.) и другой штабист-махновец. Разговор начался с верноподданических излияний Маруси Никифоровой и вскоре перешли на тему о ЧК и реквизициях:

Каменев. — Ваши повстанцы — герои, они помогли прогнать немцев, они прогнали помещика Скоропадского, они дерутся со Шкуро и помогли взять Мариуполь.

Павленко. — И взяли Мариуполь.

Каменев. — Значит, вы революционеры.

Маруся Никифорова. — Даже оскорбительно, ну право.

Каменев. — Однако, факт, что часто ваши части реквизируют хлеб, предназначенный для голодающих рабочих.

Махновец. — Хлеб этот реквизируется чрезвычайками у голодающих крестьян, которых расстреливают направо и налево.

Муранов. — Направо и налево нехорошо, но, я думаю, вы не толстовцы.

Веребельников. — Мы за народ. За рабочих и крестьян. И не меньше за крестьян, чем за рабочих.

Каменев. — Разрешите мне сказать, что мы тоже за рабочих и крестьян. Мы тоже за революционный порядок, не за самочинные действия отдельных частей. Мы, например, против погромов, против убийств мирных жителей...

Махновец. — Где это было? На наших повстанцев клеветают все, между тем лучшие наши товарищи такие начальники, как дедушка Максютя...

Ворошилов. — Ну, уж этого я знаю.

Махновец. — Дедушка Максютя крупнейший революционер, он арестован.

Начинаются горячие нападки махновцев по поводу ареста Максюты: “Такой отважный старик!” Ворошилов с усмешкой спрашивает Марусю Никифорову, для кого она среди бела дня реквизировала целые лавки дамского белья в Харькове. Махновцы улыбаются. Маруся отмахивается рукой и краснеет. “Ко всякой ерунде придираются, — говорит она, — не вникают в суть вещей...”

Беседа опять переходит на мирный, дружелюбный тон:

— Перед сдачей Мариуполя махновцам, — сообщает Павленко, — у Шкуро было совещание с Деникиным. У Шкуро великолепно организованные части идут колоннами с пением в атаку. Махновцы создали целый артиллерийский дивизион. За поимку начальника дивизиона Деникин назначил 10 000 руб. В Мариуполе махновцы захватили 400 пленных. Мобилизованных отпустили, добровольцев расстреляли. Враг махновцев это Аверин, он распускает “провокационные слухи о бандитизме махновцев”.

“Я первая, — говорит Маруся, — ввела отряды в Екатеринослав, я обезоружила 48 человек. Можно легенды рассказывать про махновцев, расскажу до конца...”

Трудно заставить Марусю прекратить перечень своих подвигов. Пью чай. Гуляют на перроне в ожидании батьки, которого ждут из Мариуполя. Наконец, комендант станции сообщает: “Батька едет”. Локомотив с одним вагоном подходит к перрону, выходит Махно с начальником штаба.

Махно — приземистый мужчина, блондин, бритый, синие, острые, ясные глаза. Взгляд вдаль, на собеседника редко глядит. Слушает, глядя вниз, слегка наклоняя голову к груди, с выражением, будто сейчас бросит все и уйдет. Одет в бурку, папаху, при сабле и револьвере. Его начштаба — типичный запорожец: физиономия, одеяние, шрамы, вооружение — картина украинского XVII века.

Автомобили поданы. От станции до местечка около восьми верст. С комендантом поезда условие — если к 6-ти часам вечера экспедиция не вернется, послать разведку. Неподалеку от местечка окопы, следы боев. Махно показывает дерево, где сам повесил белого полковника.

— Как у вас с антисемитизмом? — спрашивает Каменев.

— Вспышки бывают, мы с ними жестоко боремся. По дороге сюда на одной из станций вижу, какие-то плакаты расклеены. Читаю: погромного характера. Вызываю коменданта, требую объяснений. Он ухмыляется. Хвастает, что вполне согласен с тем, что сказано в плакате. Я застрелил его.

На главной улице Гуляй-Поля выстроен почетный караул повстанцев. Повстанцы кричат “ура”. Серая, грязная улица, вдали площадь, залитая майским украинским солнцем. За ней голые поля с тонкой пеленой серебристого тумана над самой землей. Оазисы густой яркой зелени, сверкающая белым цветом вишня и ослепительные на солнце украинские хаты в коричневых шапках. Махно держит перед повстанцами речь о подвигах Красной Армии, пришедшей к ним на помощь. Говорит о неразрывности судеб украинских повстанцев и российских трудовых братьев. “Большевики нам помогут”, — говорит он. Слушают его вооруженные винтовками парубки и пожилые. Один в строю босой, в рваных штанах, офицерской гимнастерке и австрийской фуражке; другой в великолепных сапогах, замазанных донельзя, богатых шароварах, рваной рубахе и офицерской папахе. Есть лица строгие, спокойные, вдумчивые, есть зверские челюсти, тупые глаза, безлобые, обезьяньи черепа. Есть острые вздернутые носы, закрученные усики, рты с подушечками по углам. Вокруг войска теснится толпа крестьян. Издали наблюдают несколько евреев. Настоящая Сечь. Последние слова Махно покрываются бурной овацией. После Махно говорит Каменев. От имени Советского правительства и российских рабочих и крестьян приветствует он “доблестных повстанцев”, сумевших сбросить с себя чужеземное иго, гнет помещиков и белых генералов. Вместе с Красной Армией пойдут славные повстанцы тов. Махно против врага трудящихся и будут бороться в ее рядах до полного торжества дела рабочих и крестьян. После дефилирования почетного караула члены экспедиции вместе с Махно и его чинами прошли в помещение штаба. Здесь имел место разговор Ворошилова с одним из чинов штаба Махно, евреем-анархистом, заядлым контрреволюционером. Названный чин “прощал” Советской власти все, “только не ЧК и реквизиции”...

Прошли в дом к Махно обедать. Обстановка вроде квартиры земского врача. Подавала обед старушка-крестьянка. Хозяйничала жена Махно — его личный секретарь, красивая, молодая украинка. Прогулялись по двору. В соседнем доме на террасе сидела еврейская семья и распивала чай. Махно с удовольствием указал на эту идилию расовой терпимости, говоря: “Вот как я всех евреев вырезаю”. Часам к 4-м был созван сход главнейших сотрудников Махно для совещания с экспедицией Каменева. Когда все уселись, Махно, оглядывая холодным синим взглядом присутствующих, громко крикнул: “Кто там в шапке, долой шапку!” При малейшем шуме, производившему его, угрожал: “Выведу!”

Каменев начал свой доклад с приветствия и поздравлений с успехом на фронтах. В выражениях, сперва осторожных, затем все более выпуклых, Каменев указал на ряд фактов, дезорганизующих продовольственное, транспортное и военное дело, в которых провинилась бригада. Указывалось на самочинную мобилизацию, произведенную в Гуляй-Польском районе военным Советом Махно. Говорилось об отсутствии в районе комбедов, о спекуляции и преследовании коммунистов, “которые не меньше вас, товарищи, являются защитниками трудового народа и беднейших крестьян”. Последние два слова вызвали ропот. Посыпались возгласы. Махно не был в силах зажать всем рты. “Хотите крестьян разорить, а потом любить”. “Крестьянин без лошадей не крестьянин, зачем лошадей отнимаете?” “Все мы беднейшие крестьяне!” Каменев ярко разъяснил ближайшие задачи Советской власти и так увлек аудиторию, что, когда дошел до роли ЧК, раздалось лишь несколько не слишком громких вздохов.

Махно, “содокладчик”, подчеркнул, что, в основном, он согласен с Каменевым, и что все повстанцы за Советскую власть и “сотрудничество с большевиками”. Но никакого дела сделать нельзя, пока свирепствует ЧК и комиссары-назначенцы. “Сами мы рады принять любого революционера, но крестьянская масса не желает приезжих”.

Становилось все яснее, что махновцы должны быть вытеснены из Донбасского района и что без серьезной чистки среди них не обойтись. Стоявшие возле Махно анархисты, прибывшие из Америки и Англии эмигранты, издавали свой орган “Набат”, натравливавший массы на комиссаров, ЧК, Советы...

Вечером состоялись митинги в разных концах местечка. Анархисты и эсеры выставили лучшие силы. Симпатии аудитории (местных жителей) были явно на стороне коммунистов.

Перед отъездом Каменев послал в Москву следующую телеграмму:

“ВЦИК. Серебрякову. Предлагаю за боевые заслуги сократить наполовину приговор Маруси Никифоровой, осужденной на полгода лишения права занимать ответственные должности. Решение телеграфируйте в Гуляй-Поле, Никифоровой и мне”.

(Маруся Никифорова намекнула об этом сама. Приближенные Махно шепнули Каменеву, что Марусю в штаб Махно не пускают)»[413].

Перед отъездом в беседе зам. председателя Гуляйпольского Совета Коган прямо спросил Льва Борисовича: «Зачем вы организовали эту постыдную травлю нашего революционного движения и наших действий? Ведь это настолько мелко и звучит так гадостно, что вы подрываете свой же авторитет». И конкретно, указав на александровцев, дал Каменеву только что перехваченные провокационные телефонограммы, отосланные в адрес транспортного отдела Губчека Харькова, в которых александровские власти сообщали, что 7-го мая (время пребывания Каменева в Гуляйполе) сформировавшаяся 2-х тысячная банда махновцев с пулеметами и орудиями идет на г. Александровск.

«Банды движутся. В городе Александровске мобилизованы все коммунисты, стоим на страже. Сегодня вечером выезжаю на мото-дрезине по направлению Полог сам для более точного выяснения. Все это доношу для сведения и ждем зависящих от вас распоряжений...»[414].

Каменев только и смог ответить: «Да!.. Не обращайтесь на них внимания». Уезжая из Гуляйполя Каменев выразил удовлетворение поездкой и ее результатами.

8-го мая, прибыв в Екатеринослав, он опубликовал и разослал «Открытое письмо командиру 3-й бригады тов. Махно» и сообщил В. И. Ленину:

«...Григорьев, вчера отложивший свидание со мной в Знаменке, сегодня отказывается разговаривать, он пытается сноситься с Махно. После личного свидания с Махно и посещения Гуляй-Поля, полагаю, что Махно не решится сейчас же поддержать Григорьева, но почва для выступления там вполне подготовлена. Махно не выпускает ни угля, ни хлеба и вероятно не будет выпускать, хотя лично мне обещал все и клялся в верности...»[415].

Тогда же 8-го В. И. Ленин телеграфировал:

«Киев. Раковскому Копии: Антонову, Подвойскому, Каменеву, Иоффе.

Цека партии, обсудив критическое, близкое к катастрофическому, положение в Донбассе и на Маныче, настоятельно предлагает Киевскому совету обороны напрячь все силы для ускорения и усиления военной помощи Донбассу, назначения ряда лучших товарищей для неослабного надзора ежедневно за выполнением этого и особенно немедленной и поголовной мобилизации рабочих Одессы, Екатеринослава, Николаева, Харькова и Севастополя для влития подкрепления Южному фронту, наконец установления личной ответственности Подвойского и Антонова за группу Махно. Поймите, что без быстрого взятия Ростова гибель революции неминуема.

От имени Цека Ленин.»[416].

Восьмого мая мною была получена телеграмма из Гуляйполя, в которой Озеров сообщал, что Григорьев восстал против Советской власти и просил меня прибыть в г. Мариуполь на съезд.

Время было тревожное.

В конце апреля Главком Вацетис получил от командукра Антонова-Овсеенко, переданные агентом «заслуживающим доверие», сообщение о готовящемся наступлении белых на Царицын.

Командование Южфронта решило опередить указанные намерения противника. Части 10-й армии подошли к переправам на р. Маныч, и 24 апреля р. Маныч была ими форсирована в трех пунктах. Противник понес поражение с большими для него потерями.

К 3 мая фронт белых был прорван по линиям:

Хомутовка-Качальницкая-Егорлыкская-Торговая-Новый Егорлык и у острова Манцан Хош[417]. Создалась угроза тылу Донецкой и Донской группам войск противника, угроза основной его коммуникационной линии Тихорецкая-Батайск.

4-го мая белые обрушились на фланги, чрезмерно увлекшимся наступлением, красным войскам и отрезали их на линии Егорлыкское-Мечетинское-Качальницкая.

Белые, оторвав красные части от главных переправ, прижали их к степи, обеспечив таким путем их панический отход. Одновременно была разгромлена и отброшена за р. Маныч группа, занявшая Кистенское и нацеленая на Дивное.

гг ____ „ „ „ ...мм JI:T 1. 1'иВирНЛОСЬ[418]:

«...2 Украинская армия перешла в наступление и заняла с. Безымянное и с. Коран... 4. Приказываю: а) 2 Украинской армии продолжать самое решительное наступление для выхода на линию ст. Квашина-Таганрог»[419].

В этом же приказе подтверждалась разграничительная линия между 2 Украинской (войска Махно. — А. Б.) и 13-й армиями:

«Ст. Еленовка-Бешево-ст. Квашина — все для 2 Украинской включительно»[420].

И тогда же 8 мая на нашем участке фронта противник на 35-верстном участке перешел в наступление и в жестоком бою занял Бешево-Горбачев[421].

Бои продолжались.

Утром 12 мая я выехал в Мариуполь, где уже собрались командиры ближайших полков: Махно, Озеров, Радионов и другие. В гостинице открыли войсковой съезд.

На повестке дня стояли вопросы: «1) текущий момент и григорьевщина; 2) перезаключение с Совправительством договора; 3) реорганизация 3-й Заднепровской бригады Махно.»

По текущему моменту слово взял Махно, Озеров и, кажется, Гордин.

Махно говорил, что большевистское правительство Украины опекает трудящихся. Оно наложило свою руку на все богатство страны и распоряжается им, как собственностью государства. Партийная бюрократия, этот вновь вернувшийся на нашу шею дворянский привилегированный класс, тиранит народ. Они издеваются над крестьянами, узурпируют права рабочих, свободно не дают дышать повстанчеству. Издевательство над нами и григорьевцами большевистского командования, тирания Чека анархических и эсеровских организаций — все говорит за возврат к прошлой деспотии.

Махно зачитал телеграмму от Григорьева.

«Секретно. Роджино почтово-телеграфной конторы Гуляй-Поле, через Никополь, батько Махно.

От комиссаров, чрезвычайек не было житья, коммунисты диктаторствовали, мои войска не выдержали и сами начали бить чрезвычайки и гнать комиссаров. Все мои заявления Раковскому и Антонову кончались обыкновенно присылкой комиссаров, когда их набралось 42 души, когда они меня измучили, — я их просто выгнал вон. Они меня тогда объявили вне закона. Вот я, незаконный атаман, гоню их вон из пределов Украины.

Пока на всех фронтах мой верх, ко мне присоединилось несколько полков и эскадронов неприятельской кавалерии. Не пора ли вам, батько Махно, сказать веское слово тем, которые вместо власти народа проводят диктатуру отдельной партии.

Нр. 349, атаман Григорьев, пом. атамана Горбенко[422]

Начштаба Бзенко»[423].

— Народ не стерпел и начал протестовать, — продолжал Махно, — Григорьев восстал против большевистской власти и уже занял Екатеринослав, где до его прихода восстал 57-й

Черноморский полк, освободивший тюрьму и выгнавший из города штаб 2-й армии Скачко. Гарнизон почти полностью перешел на сторону восставших и под командованием Максюты и матроса Орлова занял город, объявив его во власти Григорьева.

дейщина, которая постарается стремительно перейти в контрнаступление, — это нехорошо, однако, неизбежно.[424]

Но кто виноват в григорьевщине, кто подготовил почву для бунта? — Большевистские комиссары, Чека и белоковские!.. Они это отлично понимают и стараются усыпить нас тем, что Григорьев изменник революции, бандит, белогвардеец. Восьмого мая вечером я получил письмо, отпечатанное листовкой, которое сейчас вам прочту.

Махно читает: «Открытое письмо командиру 3-й бригады тов. Махно.

После личного посещения Гуляй-Поля и беседы с тов. Махно и его сотрудниками я считаю своим долгом во всеуслышание заявить, что все слухи о сепаратистских или антисоветских планах бригады повстанцев тов. Махно ни на чем не основаны. В лице Махно я видел честного и отважного борца, который в тяжелых условиях, лишенный самого необходимого, собирает силы и мужественно борется с белогвардейцами и иностранными завоевателями. За их отвагу, за их борьбу на фронте приветствую их. Также открыто должен указать я на то злое и вредное, что мною замечено при объезде. Это великое зло. С ним надо бороться до конца. Тот не борец за счастье трудового народа, кто не очистится от этой болячки старого строя. Тот преступник, кто потакает антисемитскому настроению. Второе — все повстанцы, вся бригада, все население района должны осознать, что их дело — только часть общего дела трудового народа всей Советской России и Украины. Ваш участок фронта — только тысячная доля всего фронта, на котором рабочие и крестьяне России и Украины отбивают общего врага. Чтобы держать весь этот фронт, от Петрограда до Одессы и от Архангельска до Каспия, все у нас должно быть общее. Все снаряжение: хлеб, уголь, металлы, нефть — должно идти в общий котел и оттуда распределяться справедливо и планомерно по всем фронтам, иначе не видать нам победы. Кто нарушает это правило, тот бессознательно сам себе роет яму поражения... Со всем этим надо покончить решительными мерами, и я уверен, что все честные борцы, во главе с тов. Махно, приложат все усилия, чтобы вбить это сознание в головы всех, кого следует. Такие факты, как вывоз из Мариуполя ценного имущества: ремней, металла и пр. без соглашения с центром, без ведома даже командования армией, должно быть немедленно прекращено, и в первую очередь это должно быть вбито в головы тех, кто, проиграв свою игру в Великороссии, бросился теперь в район 3-й бригады, чтобы там сеять смуту, вносить недоразумения между фронтом и тылом, клеветать на Советскую власть, вести агитацию против центральной рабоче-крестьянской власти Москвы и Киева. У них, может быть, и родятся мысли о постройке государства в государстве и превращения Гуляй-Поля в очаг движения против власти рабоче-крестьянской России и Украины.

Представители партии, которые опозорили себя тем, что в тылу проповедывали забастовки и бунты, вместо того, чтобы идти на поддержку Красной Армии на фронте, прикрываясь именем беспартийных, обманывают честных повстанцев, подсовывают резолюции, в которых клеймят избранников рабочих и крестьян всей России, как преступников. В России

нет иной власти, как власть Советов, избранных рабочими и беднейшими крестьянами, и эта власть не позволит, чтобы какой бы то ни было клеветой, смутой, самовольными действиями мешали ей делать ее трудное дело защиты социалистической России от врагов, внешней и внутренней контрреволюции.

Пусть повстанцы во главе с тов. Махно укажут этим людям их настоящее место. Скажут решительно: 3-я бригада товарища Махно не притон для политических авантюристов. Тогда исчезнут все недоразумения между центральной властью и местными силами, и общим натиском, единым фронтом мы выбьем окончательно из седла Колчака и Деникина, очистим Донецкий бассейн, Азовское море и проложим себе путь на Кавказ. Пусть товарищи повстанцы знают, что Москве и Киеву одинаково дороги все фронты, что она, центральная власть, знает, чего не хватает им — снаряжения и приложит все усилия, чтобы дать им все, что только может. Еще раз привет 3-й бригаде! Привет борцам за укрепление и расширение Советской власти.

Чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны Каменев»[425].

— Ха-ха-ха, — батько! Это измена повстанчеству, издевательство над собравшимися! Наш общий недруг изливает к тебе любовные чувства, выражает пожелание, чтобы ты прогнал нас. Он приказывает тебе согласовывать с центром, что можно, а чего нельзя вывозить из города Мариуполя. Ты разделяешь его мысли, скажи открыто, но честно? — напал на Махно Михалев-Павленко.

— Что слюни распустил, сволочь такая, исповедовать задумал?! — злостно ответил Махно. — После письма, я получаю вот следующую телеграмму. Махно читает:

«Гуляй-Поле — Махно по нахождению. Копия — Киев, Раковскому.

Изменник Григорьев предал фронт, не исполнив боевого приказа идти на фронт! Он повернул оружие. Пришел решительный момент — или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копии в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров: Вашу, Аршинова, Веретельникова и других.

Каменев. Револ. контролёр — Лобье. № 277»[426].

— Вот видишь, — обратился Махно к Павленко, — в какой я с ним дружбе, видишь, что поет: скажи ему расположение частей!

На совместном заседании было обсуждено создавшееся положение и разослана телеграмма.

«...Харьков; копия: Мариуполь полевой штаб 3-й бригады; копия: всем начальникам боевых участков, всем комполков, батальонов.

Предписываю прочесть по всем частям войск имени Батько Махно. Копию Харьков чрезвычайному уполнообороны Каменеву и наркомвоен Межлауку.

Предпринять самые энергичные меры к сохранению фронта, ни в коем случае недопустима измена революции и ее внешнему фронту. Честь и достоинство революционера требуют от нас оставаться верными революции и народу и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут нас заставить открыть фронт для кадетов и белогвардейцев, стремящихся поработить народ, вверивший нам себя и свою жизнь. До тех пор пока мы не победим общего врага в лице белого Дона, пока не ощутим твердо нами несомую, своими руками и штыками завоеванную свободу, мы останемся верными революции в борьбе против общего врага, но ни в коем случае не за власть, не за подлость политических шарлатанов.

Комбриг Батька Махно,

Члены штаба: Веретельников, Михалев-Павленко, Горев, Серегин, Данилов, Грановский, Командир артиллерийского дивизиона Чучко»[427].

И тогда же была послана следующая телеграмма в адрес Каменева.

«Харьков. Особо уполномоченному Совета Оборона Республики Каменеву, копия: Мариуполь, Полевой штаб.

По получении от вас и от Рощина телеграммы, извещающей о Григорьеве, мною немедленно дано было распоряжение — держать фронт неизменно верно, не уступая ни одной пяди из занимаемой позиции Деникину и прочей контрреволюционной своре, выполняя свой революционный долг перед рабочими и крестьянами России и всего мира. В свою очередь заявляю вам, что я и мой фронт остаемся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтам насилия в лице ваших комиссаров и чрезвычайек, творящих произвол над трудовым населением.

Если Григорьев раскрыл фронт и двинул войска для захвата власти, то это преступная авантюра и измена народной революции, и я широко опубликую свое мнение в этом смысле. Но сейчас у меня нет точных данных о Григорьеве и о движении с ним связанном; я не знаю, что он делает и с какими целями; поэтому выпускать против него воззвание воздержусь до получения о нем более ясных данных. Как революционер-анархист, заявляю, что никоим образом не могу поддерживать захват власти Григорьева, или кем бы то ни было; буду по-прежнему с товарищами повстанцами гнать деникинские банды, стараясь в то же время, чтобы освобожденный нами тыл покрывался свободными рабоче-крестьянскими объединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя; и в этом отношении такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и комиссариаты, проводящие партийную диктатуру насилия даже в отношении анархических объединений и анархической печати, встретят в нас энергичных противников.

Комбриг Батька Махно. Члены штаба (подписи). Председатель культурно-просветительного отдела — Аршинов. Гуляй-Поле 9/5 1919 г.»[428].

— Вот видишь, в какой я с ним дружбе, — продолжал Махно.

Итак, товарищи, большевики чувствуют свое бессилие и неуверенность в победе на деникинском фронте, отчего за последнее время на нас обращают внимание — это хорошо.

Тут-то можно поговорить о нашем тяжелом положении и получить наконец оружие и деньги, подписать новый договор.

Но вот что делать с александровцами? Они кричат, что мы на них наступаем, расстреливаем комиссаров. Правда, у города наши формирования, и особенно этот дурак Правда вечно им панику закатывает. Но я его укротил и думал, что перестанут нас провоцировать перед центром. Нет, не перестают. Они столько натворили нам гадостей, столько раз провоцировали нас на выступление, что уверены, что в этот раз мы сорвемся обязательно и их задача будет выполнена. И я уже решил их разогнать и разгоню, если не прекратят!

Вооруженное выступление Григорьева преждевременно и недостойно революционера. Однако, мы еще с вами не знаем его политической физиономии и его отношение к Деникину. Поэтому, прошу воздержаться от вынесения над ним приговора, и предлагаю выделить делегацию для поездки к нему, чтобы ознакомиться с происходящим на месте!

Махно закончил доклад и устало опустился в кресло.

Делегаты были подавлены событиями. Перелом в пользу Деникина был налицо, отчего в душу каждого закралась тревога.

Вслед за Махно выступил начштаба Озеров. Общее положение он рисовал таким, каким его освещал Махно, но с эсеровскими комментариями. Желая склонить аудиторию к пониманию, он начал читать Универсал Григорьева:

«НАРОД УКРАИНСКИЙ, НАРОД ИЗМУЧЕННЫЙ.

Жестокая война с германской коалицией и с державами Антанты вырвали из твоих сел лучших сыновей земли. Междоусобия, война с гетманщиной и петлюровщиной лучших сынов твоих загнали в могилу и тюрьмы. Когда у тебя нехватило сил больше терпеть, ты оставил соху и станок, выкопал из земли ржавую винтовку и пошел защищать право свое на волю и землю, но и здесь политические спекулянты обманули тебя и ловким ходом использовали твою доверчивость: вместо земли и воли тебе насильно навязывают коммуну, чрезвычайку и комиссаров с московской обжорки.

У этой земли, где распяли Христа, ты трудишься день и ночь; ты светишь лучиной, ты ходишь в лаптях и штанах из мешка. Вместо чая ты пьешь горячую воду без сахара, но те, что обещают тебе светлое будущее, эксплуатируют тебя — тобой воюют, с оружием в руках забирают твой хлеб, реквизируют скотину твою и нахально убеждают тебя, что все это для блага народа.

Труженик святой! Божий человек. Посмотри на свои мозолистые руки и посмотри вокруг... неправда, ложь и неправда.

Ты царь земли. Ты кормилец мира. Но Ты же и раб, благодаря святой простоте и доброте своей. Крестьянин и работник. Вас девяносто два процента на Украине. А кто управляет вами? — все те же кровопийцы народные.

Народ украинский. Бери власть в свои руки. Пусть не будет диктатуры, ни личности, ни партии. Да здравствует диктатура трудящегося народа!

Да здравствуют мозолистые руки крестьян и рабочих! Долой политических спекулянтов! Долой насилие справа! Долой насилие слева! Да здравствует власть Советов народа Украины!

Вам предстоит новая борьба. Боритесь — поборите.

Я, атаман Григорьев, и мой штаб головы свои готовы положить за право трудящегося народа. Последняя ставка. Для себя мы не ищем ничего. Поддержите нас и тем спасете право свое.

Вот мой приказ: в три дня мобилизуйте всех тех, кто способен владеть оружием, и немедленно займите все станции железных дорог и на каждой станции поставьте своих комиссаров. Каждая волость, каждое село формируйте отряды и идите в свой уездный город, от каждого уездного города из ваших отрядов по четыреста человек лучших бойцов пошлите на Киев и по двести бойцов пошлите на Харьков; если есть оружие, пошлите с оружием, нет оружия, — пошлите с силами, но мой приказ прошу исполнить, — и победа за нами. Все остальное сделаю сам.

Главный штаб наш — при моем штабе. Только с вашей поддержкой добьемся права народа. Немедленно организуйте власть народа, в каждом селе изберите сельский Совет, в каждой волости — волостной Совет, в каждом уезде — уездный Совет, в каждой губернии — губернский Совет.

В совет имеют право быть избраны представители всех партий, которые стоят на советской платформе, и те, что признают себя беспартийными, но признают Советскую власть.

В состав Советов могут входить представители всех национальностей пропорционально их количеству на Украине, — для украинцев представляется в Совете 80% мест, для евреев 5% мест и для всех прочих национальностей 15% мест. При таком распределении не будет засилия ни партии, ни нации. Глубоко верю, что это будет подлинная власть народа...

Да здравствует честный труд! И да погибнет всякое насилие и власть капитала! Железнодорожники! Почта и телеграф! Вы исстрадались. Поймите нас. Победа наша — победа ваша. Народ Украинский завоеваний за границей своей земли не ищет, но своим братьям по труду, где бы они ни были, всегда поможет и ржавой винтовкой и последним куском хлеба.

Правительство авантюриста Раковского и его ставленников[429] просим уйти от нас и не насиловать волю народа. Всеукраинский съезд Советов даст нам правительство, которому мы подчинимся и свято исполним волю его. Я иду вперед, ибо так велит народная совесть. Резерв мой — ты народ украинский, и от тебя зависит судьба твоя.

Всякие убийства, без суда народа, мародерство, грабежи, бесчинства, вторжение в чужое жилище, незаконные реквизиции, агитация против отдельных национальностей будут

пресекаться силой оружия. Порядок необходим, долой произвол!

Своим заместителем назначаю товарища Тютюнника, товарища Горбенко и товарища Мосенко, которым доверяю столь трудную задачу.

Атаман партизанов Херсонщины и Таврии — Григорьев, Горбенко, Тютюнник, Терещенко, Мосенко, Ясинский, Бондарь, Павлов»[430].

С Григорьевым так просто нельзя. Движение это массовое. У него только регулярных войск, — продолжал Озеров, — 16 тыс. штыков, при 60 орудиях, с 10 бронепоездами, имеет 14 миллионов патронов и около 150 000 снарядов, а численность отдельных отрядов вообще не поддается учету. Григорьев занял города: Екатеринослав, Чигирин, Бобринскую, Черкассы, Кременчуг, Кобеляки, Золотонвшу, Помошную. В своем движении на Киев он занял г. Корсунь и Мироновку[431].

В заключении Озеров сказал, что наступил час наведения порядка. Мы должны поддержать Григорьева словом и делом, морально и материально, ибо он наш друг. И им руководит наша партия, осудившая своих цекистов, этих изменников и провокаторов: Михайличенка, Лебединца, Литвиненка[432] и других. Партия за движение Григорьева отвечает, и коль мы с вами в союзе — помогите нам.

Рукоплесканий Озерову не было. Каждый делегат был суров и молчалив, раздумывали, что будет дальше, чем может кончиться начатая история!..

Ораторы, выступавшие за Озеровым, говорили о том, как помирить Григорьева с большевиками путем мирного разрешения конфликта.

По второму пункту ораторы высказались за перезаключение с Совправительством договора в части расширения военных прав махновщине и полной автономии уездов: Мариупольского, Бердянского, Мелитопольского, Александровского, Павлоградского и Бахмутского.

По третьему вопросу с докладом выступили: Куриленко, Радионов, Петренко и я. (В. Белаш. — А. Б.)

«Товарищи, от решения настоящего съезда зависит судьба не только повстанчества, но и Южного фронта, а может быть, и революции, — сказал я. — Колчак подходит к Волге, тесня красные армии в центральной России. Деникин продолжает атаку на всех участках и “шкуровцами” рвет наш фронт. Наша соседка 13-я армия, занимая фронт в 100 верст от разъезда Доля до Дебальцево, голодная и безоружная воюет с крупными силами Деникина, который занял Луганск и отбросил 8-ю армию по линии в 125 верст за Донец от самой станции Белокалитвинской до г. Славяносербска. К востоку и юго-востоку 9-я армия укрылась Донцом и рекой Маныч, а 10-я ведет упорные бои с армией Врангеля и крупными кавалерийскими частями в районе Великокняжеской. Положение создается такое, при котором надо ожидать общего наступления. Была у нас надежда на тыл. Но, что вами сделано в части формирования резерва?..

На фронт нет притока новых сил, снабжение расстроено, обозы пустые, недостает патронов. Как в тылу нашей бригады, занимающей ответственный участок, так и в тылу Красных Армий, в смысле формирования новых частей, ничего не сделано. Вы только и думаете о том, как лучше излить грязь друг на друга, ради возможности с трибуны высказывать мысли вслух, но не ради революции, не ради создания ее практической системы и организации фронта. Антонов-Овсеенко 8-го мая подписал приказ о передаче нас Южфронту и взятии нас там на все виды довольствия[433]. Но что нам это даст практически? Ничего! Было плохо, станет еще хуже. Надеяться не на кого.

Сил Деникина мы раньше недооценивали, не видели его тыловых формирований, помощи ему Антанты. Теперь мы видим медаль с обратной стороны. Воздушная разведка доносит нам о движении к фронту новых кавалерийских колонн, новых эшелонов. А что дадите фронту вы? Что у вас имеется в наличии? Бессистемность, необузданная партизанщина, грызня и склока, больше ничего!

Галицийско-румынский фронт у нас пока благополучный, враг по ту сторону реки Днестра и Случа. Но что произойдет через неделю? Налицо у нас третий фронт, это фронт внутренний, григорьевский. Озеров и иже с ним утверждают, что Григорьевым руководит партия левых социалистов революционеров-активистов. Я же утверждаю, что за спиной Григорьева, если не сам Деникин, то кто-нибудь из его близких офицеров. Утверждаю, что эсеровщина — третье лицо, и лицо подставное. Григорьевщина вонзила нож в спину большевикам и не сегодня — завтра он коснется и нас — это не иначе, как контрреволюция!

Теперь нужна ясность, четкость, самодостоинство. Надо набраться мужества и сказать: мы хотим самоопределения, мы отказываемся от интернациональных идей. Тогда большевики уберут свои организации и будут наши федеративные союзники на белом фронте.

Но, что вы дадите на место большевистских организаций? Штабы формирований, построенные по принципу отрядовщины, или именные полки, командиры которых недостаточно нюхали пороха регулярных деникинских полков и формируют личные полки выше четырех месяцев и никак не доведут в них численность до тысячи бойцов!?

Или прикажете надеяться на безвластные Советы, которые способны подписать резолюцию, но не способны провести ее в жизнь? Или кооперативы, эти закорюченные старые николаевско-меньшевистские организации смогут что-нибудь дать фронту?

Нет и нет! Фронт потерял надежду и не ожидает помощи с тыла. Он сам должен взять все, что ему нужно, не ожидая, пока эта уравнилельная мобилизация, построенная для истории, а не для жизни, раскачается, и село начнет питать нас свежими бойцами.

Поэтому, товарищи, я призываю: 1) оружием протестовать против Григорьева немедленно; 2) сохранить дружественные связи с большевиками; 3) бригаду развернуть в дивизию.

В последнем наши силы, вместе с безоружным резервом, достигают до 50 000 бойцов и участок, нами занимаемый, длиннее участка 13-й Красной Армии, или 8-й, не говоря уже о Крымской советской армии, развернутой из 2-й бригады нашей Заднепровской дивизии, общая численность войск которой около 10 тыс. бойцов.

Наш фронт тянется против Дона от ст. Еленовки до станицы Ново-Николаевской (Новоазовск) на 76 верст и на 175 верст по берегу моря, где так часто белогвардейцы пытаются высадить десант, а англо-французские корабли обстреливают его дальноточными орудиями. По штату Красной Армии мы имеем право на Армию, а не бригаду, и этот вопрос нашему штабу следовало бы на очередь поставить давно. Притом развертывание нашей бригады в дивизию согласовано с Реввоенсоветом нашей армии и Скачко, командование Укрфронта отнеслось к этому тоже положительно, Наркомвоен Украины Межлаук разрешил переформирование[434].

Чего мы ждем? Как бороться будем с денкинцами?

Нашему штабу за пьяным угаром и грызней с большевиками некогда думать об обороне района, укреплении его военной силой. В этом наше большое несчастье, а обстоятельства требуют повернуться лицом к жизни...»

Почти в таком же духе говорили Куриленко и Петренко, но Родионов возражал и поддерживал Озерова.

Была принята резолюция, гласившая примерно следующее: 1. Ввиду тяжелого положения на фронте и в тылу — продлить договор с Совправительством. Поручить ВРС начать переговоры в части полной автономии Мариупольскому, Бердянскому, Мелитопольскому, Александровскому, Павлоградскому и Бахмутскому уездам. 2. Ввиду отсутствия информации, могущей всесторонне осветить политическую физиономию Григорьева, для поездки к нему выделить комиссию в составе: А. Чубенко, Коровицкий, Чермалык, Симоненко и Михалев-Павленко. Поручить Махно уведомить Совправительство относительно провокации махновского движения, выходящей из сферы большевиков г. Александровска, но до возвращения от Григорьева комиссии, не отвечать Правительству своего о нем окончательного решения. 3. Третью Заднепровскую бригаду имени б. Махно развернуть в дивизию, наименовав: Первая Украинская повстанческая дивизия имени батьки Махно.

Дивизия разбивается на три бригады и утверждаются избранные командиры: В. Куриленко — Комбриг 1-ой, В. Белаш — Комбриг 2-ой, Петренко-Платонов — Комбриг 3-ей. Комбригам между собой согласовывать боевые действия и совместно с полевым штабом дивизии разбить фронт на участки.

После заседания был разработан штат полков и бригад, а также намечены определенные участки фронта.

Первая бригада складывается из полков: 7-го заднепровского, 8-го заднепровского, Новоспасовского и сводно-греческого, общей численностью 10 000 штыков, 200 сабель при 3-х орудиях, 40 пулеметах, одном катере.

Участок фронта в 15 верст против Дона и 60 верст по берегу моря определяется между х-ром Витавским (по реке Грузкой Еланчик) и с. Урзуф (Приморское).

В состав 2-й бригады вошли полки: 9-й греческий, 10-й донской, 2-й игнатъевский и 12-й кавалерийский, общей численностью штыков — 13 000, сабель — 700, при 4-х орудиях, 50

пулеметах, аэроплане, двух бронепоездах и одном автоброневике.

Участок фронта 2-й бригады, расстоянием в 60 верст граничит между двух сел Коньково и ст. Караванная (4 версты юго-восточнее Марьяновки).

И 3-я бригада из трех полков: Покровского, именного полка Паталахи и ореховско-сводного, общей численностью 5 000 штыков и 50 сабель, при 10 пулеметах. Участок фронта, расстоянием в 10 верст между 1-й бригадой и второй.

Уже рассветало, когда мы расходились по квартирам.

Наши войска продолжали наступать, и мы по этому поводу сообщали командованию 2-й Укрармии:

«Согласно приказа по армии, наши части перешли в наступление 11 мая по линии ст. Море до ст. Моспино. Наступление развивалось успешно, были заняты главные опорные пункты. Отсутствие налаженной и срочной доставки патронов заставило оставить многие позиции и приостановить наступление. Кроме того, части совершенно не имеют патронов и, продвинувшись вперед, находятся в угрожающем положении на случай серьезных контрнаступлений противника. Мы свой долг исполнили, но высшие органы задерживают питание армии патронами. Просим устранить это и регулярно в достаточном количестве высылать патроны, и мы не только полностью выполним задание, но сделаем больше того.

Начштаба 1-й Украинской повстанческой дивизии Озеров, Младший помощник Бурыба»[435].

13 мая мы успешно вели наступление по всему фронту и с боем взяли ст. Кутейниково, Кузнецово, Михайловка, Александровка, Безымянная с боями продвигаясь к Моспино и Квашино[436].

В тот день Махно отправил следующую телеграмму:

«По нахождению — Чрезвычайному Уполномоченному Совета Оборона Каменеву. Копия — Александровск Уездному Исполкому.

По распоряжению из Александровска, прервано телеграфное и телефонное сообщение с Гуляй-Подем. В то же время в Александровске местная власть распространяет слухи, что на Александровск идут три отряда повстанцев Махно и приказано быть готовыми к взрыву мостов для противодействия. Заявляю, что ни одна часть моих войск не снята с фронта, ни одного повстанца мною не направлено ни на Александровск, ни на другой пункт Советской республики. Наоборот, повстанцы ведут успешное наступление на деникинском фронте и находятся в трех верстах от Кутейниково.

Заявляю, что распространяемые александровскими властями слухи о движении повстанцев на Александровск есть чистейшая провокация, преследующая темную цель дезорганизации фронта и тыла. Примите срочные меры к прекращению подобной провокации, иначе фронту и тылу грозят неисчислимы бедствия, ответственность за которые падет всецело на руководящие органы власти»[437].

— Правда, хорошо будет?! — заговорил ко мне Махно.

— Хорошо-то, хорошо, только ты написал бы приказ по фронту, — ответил я.

— Да, да, надо написать и копию послать Каменеву, — Махно сел за стол, но его вызвали к аппарату.

Гуляйполе передавало, что в еврейской колонии Горькой неизвестной бандой учинен погром. Тут же на летучем заседании было решено выделить комиссию для расследования, в которую вошли делегаты съезда.

Махно их напутствовал: «Выезжайте на место преступления и самым жестоким образом, показательно, накажите виновных, а мы заедем в Бердянск, проконтролируем формирование новых полков».

Итак из Мариуполя мы отправились автомобилем в г. Бердянск, чтобы посмотреть готовность формирующихся там Чередняком полков.

В г. Бердянске был парад двух полков: пехотного и конного. Впечатление осталось хорошее, но чувствовалось, как неведомая рука сеет антисемитизм.

Вечером на улицах появились какие-то подозрительные типы с винтовками и узлами. Напротив гостиницы Гранд-Отель, на улице, лично Махно были расстреляны два молодчика с узлами в руках. В них были женские платья, панталоны, детское белье, галстуки и другое тряпье.

Ночью шла гулянка, устроенная начгарнизонам Каретниковым, пригласившим на вечер женщин. Были тосты, играла музыка, пели песни, пары, дурачась, танцевали танго в похабном исполнении...

Махно был пьян и как одурел: он что-то кричал, а потом открыл стрельбу в потолок. Но дюжие руки Куриленко обвили вокруг тонкой талии батьки — он был обезоружен, связан и уложен в постель.

Что было с ним на утро, не знаю: мы были далеко.

В это время наши полки, выполняя приказ, наступали.

«На Таганрогском направлении наши части, закрепившись на линии реки Еланчик от Ново-Николаевская до Покровской и далее на северо-запад, продолжают энергичное наступление. Упорные бои продолжаются.»[438].

15 мая, когда мы остановились на станции Пологи, к нам вошли Долженко и Могила[439], члены комиссии, ездившей на расследование погрома. Местные власти и военное командование также навестило нас, и мы слушали доклад: Могила говорил то, о чем позднее писалось в газете «Путь к Свободе» от 24 мая 1919 г. под заглавием «Где же конец насилию?».

«Товарищи, штабом бригады мы были назначены в комиссию по расследованию грубого, деспотического погромного акта, совершенного группой повстанцев-бандитов над еврейским населением в колонии Горькой. Мы были на месте погрома и вот что там выяснили. В ночь с одиннадцатого на двенадцатое мая по дороге из Успеновки вооруженный отряд в 22 человека подъехал к еврейской колонии Горькой, население которой состоит исключительно из беднейших евреев. Отряд цепью окружил колонию и начал дикую вооруженную расправу над мирным трудовым народом. Одна часть отряда схватила самоохрану и жителей, попавших под руку на улице и потащила в Совет, где начали всех раздевать, бить, а после рубить и расстреливать. Другая часть отряда рассыпалась по домам, насильствовала невинных девушек, а после расстреливала всех, кто только попадет. И, таким образом, бешеный кровавый разгул, диких полусумасшедших людей, потерявших совесть, продолжался около трех часов.

Еще за две-три версты до колонии мы услышали крик, вопли и плач детей, матерей и стариков, молящих о помощи, о спасении. От таких жутких воплей у нас мгновенно замирало сердце, обдавало дрожью, волосы на голове шевелились. При въезде в колонию дети, старики и старухи, как бы видя в нас спасителей, хватили нас за ноги и кричали: «Спасите же, наконец, или заберите всех и расстреляйте сразу, ибо нет у нас больше терпения и сил видеть и переживать такие издевательства!..»

Перед нами открылась кровавая картина: в центре колонии вокруг Совета лежали 24 окровавленных, изуродованных трупа, остальные валялись по улицам, огородам и домам. Над каждым убитым склонились их родственники.

Двадцать два успеновских бандита нами арестованы и во всем сознались, теперь они сидят и ожидают возмездия. Рука Немезиды должна покарать их. Мы должны для них это потребовать и мы требуем».

Могилла закончил доклад. Собравшиеся вынесли двадцати двум бандитам смертный приговор, свое решение направили в штаб дивизии.

На махновской территории это был второй погром, учиненный необузданной сворой бандитов. Они подняли головы особенно сильно, как только вспыхнула григорьевщина. Со всех сторон тыловой отрядовщины веяло антисемитизмом и, чтобы рассеять наследие монархии, надо было принять самые суровые репрессивные меры. Развитие антисемитизма объясняется исторически сложившимися отношениями населения с евреями и весьма большим процентом наличия их в партийном и государственном аппарате, активно проводящем земельную, продовольственную и однопартийную политику, которая не поддерживалась большинством населения на Украине. И, кроме того, слабостью административно-народных органов, которые представляли собой какую-то химеру, называемую на махновском языке «Советским строем». Это скорее были говорильни, а не власть. Во всем районе отсутствовала властная рука, не было правосудия, отчего бандитизм смело проявлял себя.

Из Полог мы ехали на Волноваху. Могилла не мог забыть виденного и продолжал возмущаться, доходя до того, что обругивал систему махновии, при которой безнаказанно

процветал бандитизм.

Он рассказывал: «Во второй половине марта с. г. в колонии Яблуквой при сборе контрибуции Щусь расстрелял восемь человек заложников, самых зажиточных немцев. Возмущенные немцы на сходе решили отомстить и, выбрав по жребию двух человек, отправили их в Гуляйполе с задачей убить Махно.

Красная бричка, запряженная добрыми лошадьми, двигалась по центральной улице Гуляйполя к штабу. В ней сидели два яблуквских немца и ездовой.

Дежурный приказал задержать подводу, но часовой видя, что те не останавливаются, выстрелил в воздух. Немцы — по лошадям. Но от штаба по ним ударил пулемет. Немцы, соскочив с подводы, открыли огонь по часовым.

В этой перестрелке был убит немцами случайно подвернувшийся несовершеннолетний гуляйполец Иван Дервянко.

И вот Щусь, по личной инициативе, взял отряд и выехал в Яблуквую. Созвал в Совет богатых немцев и наложил на них контрибуцию.

Проведенное Щусем следствие показало, что жребий тянули около тридцати человек, которых он почти всех арестовал и посадил в сарай. Без суда арестованные были убиты, а сарай сожжен.

И что ему было? Ничего! А людей нет!» — продолжал возмущенный Могила, когда мы подъезжали к Волновахе.

Гибли невинные люди.

Хотя идеология анархизма-коммунизма и проповедовала интернационализм и равенство всех угнетенных наций, однако менять вековые традиции не просто.

М. Кубанин кратко проанализировал социально-экономические причины национализма, начав исследование с соотношения населения между городом и деревней по национальному признаку по всей

	Украинцев	Русских	Евреев	Немцев	Поляков	Прочих	Итого
В городе	32%	34%	25%	2%	3%	4%	100%
В уездах	83%	7%	5%	2%	1%	2%	100%

В городе В уездах Украинцев 32 83 Русских 34 7 Евреев 25 5 Немцев 2 2 Поляков 3 1 Прочих 4 2 100

В городах, таким образом, 68% населения принадлежало иным национальностям, причем больше половины — 59% — падало на две национальности — русских и евреев; украинцы составляли лишь 1/3 населения городов. Наоборот, в деревне лишь 17% не принадлежало к

украинской национальности.

Но не только по своему национальному составу город был чужим для украинского крестьянина. Город покупал крестьянский хлеб и продавал деревне свою продукцию. Если мы обратимся к вопросу, кто торговал продуктами крестьянского хозяйства в губерниях Украины, то обнаружим весьма интересное явление. Этими продуктами торговали в некоторых районах Украины почти исключительно евреи. Торговали, главным образом, товарами крестьянского рынка: хлебом, скотом, зерном, машинами, металлами и тканями. На Украине процент евреев-торговцев в вышеуказанных отраслях торговли был очень высок: в губерниях Подольской, Киевской, Волынской торговля почти целиком находилась в руках евреев. В Киевской губернии процент евреев, занимавшихся торговлей вообще (без точного определения), составлял 75,8% всех торговцев, в Подольской губ. — 90,6%, в Херсонской — 62,9%, а в Таврической — всего лишь 27,4% и в Екатеринославской — 40,2%.

Евреи занимали главенствующую роль в торговле продуктами крестьянского хозяйства на Украине. Так, например, процент евреев, торгующих живым скотом, к общему количеству торговцев этим товаром равнялся в Киевской губ. 78,1%, в Подольской — 89,8%, в Херсонской — 71,9%, а в Таврической — всего лишь 10,8% и в Екатеринославской — 21,1%. В торговле зерновыми продуктами в Киевской губернии евреи составляли 98% всех торговцев зерновыми продуктами, в Подольской 98,5%, в Херсонской — 82,5%, а в Таврической — лишь 44,6% и в Екатеринославской — 72,6%.

Крестьянин, везя продукты своего труда в город или местечко, мог в некоторых губерниях продать их только еврею. Естественно, что в этих губерниях, где евреи-торговцы составляли 3/4 всех торговцев или даже 98%, классовый и групповой антагонизм находил свое выражение в безудержном шовинизме; и здесь крестьянство действительно было охвачено таким шовинизмом. Торговый капитал, разорявший крестьянина низкими ценами на продукты сельского хозяйства, нажившийся за счет разорения крестьянской массы, персонифицировался в сознании крестьянина в фигуре еврея-торговца, бывшего почти монополистом на рынке с.-х. товаров.

Торговую посредническую функцию по скупке крестьянских товаров и продаже им продуктов города нес еврей-торговец. Отсюда росли корни антисемитизма в крестьянском движении[440]...

В вопросах политических еврейская община была замкнута сама в себе и почти всегда занимала позицию сильного, угнетая и эксплуатируя слабого. Но все же, если сравнить происходящее на территории нашего влияния — Екатеринославщине, с остальной Украиной, то можно уверенно сказать, что знамя интернационализма в махновщине развевалось высоко.

Чтобы оценить происходящее, сошлюсь на исследование Гусев-Оренбургского, который описал еврейские погромы на Украине в 1919 году на 160-ти страницах.

«Мы знаем о свирепых погромах эпохи Хмельницкого в середине XVII века; о страшной гайдаматчине середины XVIII века. Многие из нас пережили погромы 1881/82 годов. Отлично

помним мы октябрьские деяния черносотенцев в 1905 году.

Теперь проходит перед нашими глазами пятое по счету массовое кровавое действо.

В революционные эпохи 1881 и 1905 годов еврейские погромы были кратковременны, они налетали как мгновенный шквал. Теперь — это сплошное, непрерывное бедствие. Теперь по евреям, распластанным на украинской наковальне, ударяет не один молот, не два, а все молоты, какие только работают на этой дикой и злой почве. Они бьют без усталости, днем и ночью, летом и зимою...

Мы знаем только часть, и притом, вероятно, не большую, всех погромленных мест... До сих пор нам известны 402 погромленных пункта.

Тут есть и большие губернские города, как Житомир, Киев и Екатеринослав, есть и мелкие села и деревни с несколькими еврейскими семьями, проживающими в них с незапамятных времен.

Распределяются эти пункты по губерниям:	
Киевская	231
Волынская	56
Подольская	62
Херсонская	25
Полтавская	16
Черниговская	9
Екатеринославская	3
Итого:	402

Да и само понятие “погрома” устарело. Раньше “погром” понимали, как нечто внезапное и скоротечное, что длится час, день, два и — прекращается, но прежняя практика не предвидела такого состояния, когда город или местечко в течение недель или месяцев находится в состоянии погрома, или когда данный пункт поочередно громится каждой входящей в него попеременно неприятельской стороной.

Общее число погибших от погромов никоим образом нельзя исчислять меньше, чем в 100 000.

До нынешнего погромного шквала обычными формами еврейских погромов в России были разгромы имущества: излюбленный прием — выпускание пуха из подушек, грабежи, избиения, изнасилования; лишь в исключительных случаях — убийства и в еще более исключительных — изощренные зверства при умерщвлениях. Нынешняя эпидемия погромов отличается от прежних, кроме безмерной своей продолжительности, — девятый месяц сплошных погромов, еще особой, из ряда вон выходящей свирепостью и безграничной утонченностью мучительства»[441].

Гусев-Оренбургский так описал Уманскую трагедию:

«Умань — уездный город Киевской губернии с населением в 60–65 тысяч человек. Из них евреев 35–40 тыс., украинцев и русских тысяч 20 и поляков около 3 тыс. Евреи составляют подавляющее большинство в городе, занимая центральные улицы и весь охватывающий их район.

Революция 1917 года вначале содействовала улучшению отношений, но уже в дни власти Директории отношение к евреям было полно ненависти и желания мстить. Власть обвиняла их в том, что они сплошь большевики. Гайдамаки издевались на улицах над евреями, избивали их, грабили при полнейшей безнаказанности.

В кругах отсталых и темных распускались слухи о том, что вся власть принадлежит «жидам», что они закрыли православные церкви, превратив их в конюшни, что большевики — это почти исключительно «жиды», и что они отберут у мещан всю их собственность.

В деревне же шла организация восстания против Советской власти, ее вели агенты Директории и вообще крестьяне. Велась антисемитская агитация и среди уманского гарнизона. Штогрин и Клименко, левые эсеры, были ее руководителями.

В середине апреля они подняли вооруженное восстание гарнизона, арестовали Исполком, сместили евреев-комиссаров. Но карательный отряд из Винницы разоружил гарнизон и установил порядок. Штогрин и Клименко бежали в уезд, где своей агитацией в короткий срок восстановили против Советской власти все селянство Уманщины. Неизменным козырем этой агитации являлось указание на то, что власть над народом захватили «чужеземцы», «пришлые», «жиды».

Штогрин, сам уманец, учившийся в училище садоводства, был видным политическим деятелем и пользовался симпатиями, как защитник интересов крестьян. Он требовал предоставления левым эсерам мест в Исполкоме и вообще реорганизации Совета и Исполкома так, чтобы в большинстве был представлен крестьянский элемент. Не добившись этого, сделался руководителем повстанцев. Впоследствии на допросе в ЧК ему ставили обвинение, что он вел антисемитскую агитацию.

Его спрашивали:

— Неужели вы не понимали, что это может вызвать еврейские погромы? Он заявил, что действительно звал крестьян на погром.

— Ибо иначе поднять их нельзя было.

Его расстреляли, но повстанческое движение после его смерти усилилось, поднялись крестьяне почти всех окрестных деревень и под предводительством Клименко пошли на город. Вскоре стало ясно, что слабым отрядам не справиться с ними, ибо число их росло, восстания охватили всю Уманщину. Получив известный антисемитский универсал Григорьева, повстанцы присоединились к нему и общим штурмом пошли на город. Советские войска отступили.

Повстанцы хлынули в беззащитный город со всех сторон. Первая волна состояла из деревенских крестьян, начиная от подростков и кончая бородатыми стариками. Многие были вооружены косами, граблями, а то и просто длинными палками... Еврейское население в панике попряталось по домам, чердакам и погребам. Многие нашли приют у знакомых христиан-интеллигентов, благодаря чему избежали от грабежа, избиения или смерти...

Бегая по учреждениям, крестьяне искали:

— Коммунистов.

Потом стали врывать в частные квартиры, преимущественно еврейские, и кричали:

— Выдавайте коммунистов!

Искали только оружие или коммунистов, не грабя и не убивая никого.

Так было, однако, до 5 часов 12 мая...

Рассыпавшись по городу, отдельные толпы обходили квартиры, где производили обыск и осмотр людей и документов, ища коммунистов; обыски неизменно кончались открытым грабежом, избиениями и убийствами.

Требовали:

— Коммунистов и оружия — или к стенке!

Или начинали с крика:

— Денег, денег, жиды!

И истязали и убивали до и после получения денег...

Студента К. тащили уже к расстрелу, требовали каких-то два револьвера, и никакие убеждения и просьбы не помогали. С ним вели еще двух молодых людей. Вдруг один из них упал в обморок, произошла заминка. Громилы их оставили в покое и хотели уйти. Но через некоторое время вернулись за студентом. Увидев, что тот не убежал во время замешательства и готов с ними идти, они с удивлением констатировали:

— А вин не утик.

И оставили его в покое...

Три дня шли убийства — 12, 13 и 14 мая...

Достаточно было иногда, по свидетельству большинства евреев, чтобы христианин удостоверил, что он знает данных евреев как благонадежных людей, и бандиты никого не трогали...

Четырнадцатого массовый погром кончился, и в приказе главнокомандующего писалось:

— «Жидовська влада скинута».

Разрешено было похоронить убитых...

Всего убито до 400 человек...

Резня в Умани кончилась, но раскинулась по всей Уманщине.

Везде евреев громили, убивали, причем процент убитых и разгромленных в селах и местечках неизменно был выше процента пострадавших в городе. В резне и погромах принимали главное участие бродившие по уезду повстанческие банды...

Самым тяжелым видом преследования был отказ окрестных крестьян и местных торговцев и торговок продавать что бы то ни было евреям, особенно съестные припасы.

— Уморим жидов голодом!

Часто на базаре отказывались продавать хлеб христианкам, с виду похожим на евреек.

— Мабуть жидівка.

В то время часть штаба Клименко и повстанцев была недовольна им за то, что он запретил погромы и резню евреев; открыто обвиняя его, зло говорили:

— Продався жидам...[442]

Мы уже тогда были наслышаны и видели вероятность подобного у себя. Поэтому прилагали максимум усилий для недопущения погромов и имели в этом сравнительный успех. Кстати, в Екатеринославской губернии довольно высокий процент еврейского и немецкого населения, которое живет не только по городам и местечкам, но и отдельными изолированными колониями (поселками).

Станция Розовка, Зачатьевка и Хлебодаровка были заполнены беженцами из г. Юзово (Донецк), переходившего из рук в руки. Эти несчастные ютились, где только можно было: в залах вокзалов, на перроне, насыпи, в посадках. Ранее нам удавалось в немецких колониях организовать столовые и беженские комитеты, которые снабжались продовольствием от боеучастка. В течение двух месяцев немцы-колонисты кормили десятки тысяч женщин, детей и стариков, шахтеров из Юзово и окрестностей. Но в последнее время стало невмоготу и немцам, которым, что называется, объели уши. Я отдал распоряжение станционным комендантам отправлять беженцев дальше в тыл, чтобы разгрузить прифронтовую полосу. Они не уходили и, продолжая сидеть, ожидали, когда мы отобьем Юзово, чтобы вернуться домой.

Красные полки 13-й армии, особенно 13-й полк, изнуренные боями, а главным образом, отсутствием продовольствия и патронов, в панике из Рутченково-Юзово бежали на наш

участок в надежде укрыться от деникинцев. Так было раньше, три раза, так стало и в четвертый.

Соседняя 9-я дивизия 13-й армии всегда вызывала у нас сомнение и недоверие.

По поводу создавшегося положения и «странного» поведения комбрига 9-й резервной дивизии Берзилова командарм 2 сообщил командукра:

«... Он (Берзилов. — А. Б.) вдруг присвоил себе звание комгруппой и, вразрез оперативному приказу, отдал словесные распоряжения — двигаться к Суходольской. Из-за него 13-й, 3-й резервн., 79-й, 81-й и особый железнодорожный бежали до Полог...»[443]

На станции Волноваха и В. Анадоль было настоящее столпотворение вооруженных винтовками красноармейцев, бежавших из Юзово. Мой начштаба поспешил выставить завесу к северу, сколачивая роты из бежавших, снабжал их хлебом и патронами.

Таким образом, наше положение было безвыходное, и мы с Куриленко решили ударить по всему участку, чтобы отвлечь внимание от Юзово белых. Было отдано полкам распоряжение, и они, перейдя в наступление, к утру 16 мая заняли станцию Моспино, Кутейниково, Николаев, Степановскую, Григорьевскую, Василевскую и Еланчинскую на реке Еланчик. Одновременно с тем — двумя бронепоездами мы наступали к северу и заняли, при помощи пришедших в себя красноармейцев, Еленовку, Доля, Мандрыкино, Рутченково и Широую. Юзово вновь было занято 13 полком.

Уставши за ночь, я вернулся в штаб бригады. Махно меня ожидал у аппарата в Гуляйполе. Он передал сводку армии на 16 мая: «...14-го отбиты у Григорьева г. Кобеляки, Черкассы, Кременчуг, Золотоноша. Окружившие г. Чернигов бандиты разогнаны. 15 мая у Григорьева отбит Екатеринослав.

Оперсводка венгерского фронта на 15 мая: Красная Армия Советской Венгрии заняла линию фронта на румынском участке: Берек, Миносликола-Фальва, Анатфальва, но отошли из железнодорожного узла Фюлес. На чехословацком фронте наши атаки продолжаются»[444].

— Двадцать два успешных погромщика, — продолжает Махно, — мною расстреляны. Возвращаясь из Бердянска, так же расстрелял одного коменданта станции В. Токмак. Сволочь такая, парень был хороший, помнишь, мы, по занятии Бердянска, назначили его комендантом. Теперь он вывесил плакат с лозунгом: «Бей жидов, спасай революцию, да здравствует Батько Махно!» Я его коцнул.

Есть отписка на наш протест на статью «Долой Махновщину!» Принимай телеграмму:

«Срочно вне всякой очереди. Нач. штаба тов. Озерову

Штаб 3-й бригады комиссар Бурдыга.

входной 2212 дело 10/ 9/У - 1919

Никто не отрицает храбрости повстанцев и красноармейцев из отрядов тов. Махно, однако дисциплина сильно страдает и Советская печать отзывается на те бесчисленные жалобы, которые слышатся отовсюду.

Нр 1114

Предсовнаркома Раковский»[445].

Только получил из Харькова от Каменева партию однозарядных, как берданки, винтовок, и к ним 200 000 патронов «Гра». Немного посылаю тебе, Куриленку и Платонову, высылаю тебе из Бердянска кавдивизион, а остальные пошлю Куриленку. Из Полог в твое распоряжение вышел 1-й Советский полк, посланный Скачко.

Сегодня Рощин Каменеву послал следующую телеграмму, посылаю тебе для сведения:

«Каменеву по нахождению.

Злостная, черная рука сеет ложь. Тов. Махно не только держит фронт, но успешно наступает. Реакционеры упорно говорят о связи Махно с Григорьевым. Это ложь, гнусно и хитро задуманная. Сообщение о расстреле политических комиссаров во главе с Колосовым есть отвратительная ложь. Все на своем посту. Вчера взяты важные пункты: Кутейниково, Моспино, которые пришлось снова сдать врагу из-за отсутствия патронов и снарядов. Немедленно высылайте патроны, высылайте вагон плоской бумаги для газет и воззваний. Вышлите 16 миллионов рублей. Неполучение денег, бумаги, патронов, явится серьезным препятствием в борьбе с контрреволюцией.

Рощин»[446].

— Как думаешь? — спрашивал Махно.

— Хорошо! — ответил я. — Но враки, что Кутейниково снова занято белыми!

— Ну да ладно, надо что-нибудь писать!

Я нарисовал общее положение фронта, обращая его внимание на активность в последнее время противника и просил ускорить мобилизацию. На мое предложение, чтобы для этой цели использовать Советские военкоматы, штаб мне ответил: «Это невозможно, ибо у нас имеются свои отделы формирования, которые вполне управятся с делом.»

Но, это были слова, не больше. Я знал, что на тыл рассчитывать нельзя, ибо он продолжал болеть организационной лихорадкой. Особенно в последнее время, в связи с восстанием Григорьева политические страсти не утихали. Группа «Набат» настаивала перед штабом на разрыве с большевиками. Конфедерация собиралась перенести к нам свой орган, обещал приехать из харьковского подполья и ее секретариат. Анархический отряд Чередняка[447] (200 человек) перебросился из Харьковщины в Гуляйполе, за ним прибыл и отряд Шубы[448] (300 человек), оперировавший с апреля 1919 г. в Екатеринославском и Новомосковском уездах. Они получили директиву секретариата конфедерации «Набат» относительно того,

что должны ожидать в Гуляйполе приезда секретариата и ни в коем случае не выступать на фронт, не распылять своих бойцов.

Бои на фронте начали принимать угрожающий характер. Деникин, имея в своем тылу хорошо организованный аппарат формирования, бросал на фронт всё новые и новые полки.

На Украине к этому времени безнаказанно гуляли петлюровские отряды, организуя кулацкие восстания на Подолии, Волыни, Киевщине, Черниговщине и в других губерниях.

Григорьев одерживал легкие победы над большевиками в местных Советах депутатов, которые не имели в то время на Украине ни авторитета, ни силы.

Картину происходящего в г. Николаеве рисует в своем докладе Реввоенсовету 17 мая 1919 года Председатель временного рабоче-крестьянского правительства Бессарабии И. Криворуков:

«В. Секретно. Сведения, полученные от товарища В., приехавшего из Николаева.

9-го сего мая к 7-ми часам вечера по Николаеву были расклеены объявления Военно-Морского Комиссариата, за подписью Комиссара Белова о том, что город объявлен НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ и что все пропуска должны быть заменены в Комиссариате новыми. Тов. В., работавшей в Советской организации до 12 часов ночи ежедневно, явился в Военно-Морской Комиссариат за получением нового пропуска. Помощник Белова дословно заявил ему следующее: “никаких пропусков советским служащим не даем и все, что было до сих пор, можете забыть”. Слухи шли, что это объявление вызвано Григорьевской авантюрой.»

12 мая было созвано пленарное заседание Николаевского совета депутатов и представителей партий и союзов, которое было прервано явившимися на собрание десятью матросами Николаевского экипажа. Считая Григорьева авантюристом, они заявляли, что пойдут навстречу его войскам, которых считают не бандами, а хорошими товарищами, выручившими их в свое время из-под владычества добровольцев. Не дав выступить товарищам Скляру (Уполномоченному Украинского С. Правительства), Соколову (Председателю Исполкома) и Ряпо (Комиссару Просвещения), матросы потребовали разоружения и разгона Чрезвычайной Комиссии, всех коммунистических ячеек.

13-го мая в 5 часов утра началась перестрелка между матросами и отрядами ЧК и в результате были раненые и убитые с обеих сторон, а также среди мирного населения (случайные жертвы). К 7-ми часам утра власть в городе перешла к матросам, которые начали арестовывать коммунистов и представителей Исполкома. К 12-ти часам рабочими-коммунистами был созван митинг, на котором пытавшемся выступить товарищу Скляру матросы запретили говорить и разогнали митинг...[449]

В отличие от нашего беспокойного тыла, за Деникиным было численное преимущество и лучшее вооружение. На Маныч он бросил свежую конницу, в Донбассе — кубанское формирование, а против махновцев — Шкуро и стрелковые полки генерала Виноградова. Вся эта масса непрерывно атаковала наши участки, стараясь удержать за собой не только Донбасс, но и вытеснить нас из Левобережной Украины и Дона. Но мы не падали духом. По

всей Украине шла мобилизация рабочих, призывалась молодежь на действительную службу. Григорьевщина начала разлагаться, и те красные советские дивизии, которые были брошены на ее ликвидацию из резерва, а частично сняты с деникинского фронта, должны были прийти к нам на помощь.

13-го мая к нам прибыл 1-й советский стрелковый полк под командованием Чайки[450]. Полк формировался в Мелитопольском уезде и состоял из молодых крепких тавричан. В этот момент Шкуро особенно напирал на Юзово, и как только на ст. Волноваху прибыл 1-й полк, я выехал с ним на участок Моспино и с вагонов бросил его на позицию, в помощь 9-му Заднепровскому и 55-му (бывш. 15-му) Украинскому полкам, ведущим горячий бой. Шкуровцы колоннами переходили в атаку и при поддержке трех бронепоездов, вооруженных шестидюймовыми морскими орудиями, и двух танков, после жестокого сопротивления, потеснили нас на линию Бешево-Караванная. Мы оставили Моспино и Кутейниково.

В этом бою понесли большие потери 9-й Заднепровский и особенно 55-й полки. В последнем выбыл из строя почти весь комсостав, а в полку осталось около 500 бойцов[451]. Я поспешил на помощь и выехал на Волноваху.

Махно слово сдержал. Под вечер 17-го мая он выслал 1 000 винтовок «Гра», и из Бердянска прибыл кавдивизион. Винтовки были немедленно розданы запасному батальону 2-й бригады, высланному на разъезд Доля для подкрепления 1-го советского полка.

— Ну посмотри, Виктор, — сказал Долженко, только что приехавший из Гуляйполя; у его ног лежала груда воззваний.

Долженко начал читать листовку:

«Рабочие, крестьяне и повстанцы!

В тяжелые дни реакции, когда положение украинского крестьянства было безвыходным, Вы первые восстали, как непоколебимые, бесстрашные борцы за великое дело освобождения трудовых масс. Это был самый красивый и радостный момент в истории нашей революции, ибо Вы выступили тогда против врага с оружием в руках, как сознательные революционеры, воодушевленные великой идеей свободы и равенства... Но в ряды Ваши стали вкрапчиваться отрицательные преступные элементы. В революционных песнях, среди дружественных напевов о приближении освобождения трудящихся, стали раздаваться тяжелые, душу раздирающие крики несчастных забитых евреев-бедняков... На светлом, ярком фоне революции появились темные несмыаемые пятна запекшейся крови бедных мучеников-евреев, которые в угоду злой реакции являются теперь, как и раньше, напрасными, невинными жертвами, завязавшейся классово-борьбы... Творятся акты позора. Происходят еврейские погромы.

Крестьяне, рабочие и повстанцы! Вы знаете, что в страшной пропасти бедноты прозябают одинаково рабочие всех национальностей: и русские, и евреи, и поляки, и немцы, и армяне и т. д. Вы знаете, что тысячи еврейских девушек, дочерей народа, покупаются и бесчестятся капиталом, наряду с куплей женщин других национальностей. В то же время, Вы знаете, как

много честных, искренних евреев-борцов революционеров погибает за свободу России в течение всего нашего освободительного движения...

Революция и честь трудящихся обязывает всех нас крикнуть громко, так, чтобы содрогнулись все темные силы реакции, о том, что мы ведем борьбу с одним общим врагом — с капиталом и властью, одинаково угнетающей тружеников: русских, поляков, евреев и т. д. Мы должны объявить всюду, что нашим врагом являются эксплуататоры и поработители разных наций: и русский фабрикант, и немецкий заводчик, и еврейский банкир, и польский помещик... Буржуазия всех стран и национальностей объединилась для жестокой борьбы против революции, против трудящихся масс всего мира и всех национальностей.

Крестьяне, рабочие и повстанцы! В настоящий момент, когда на русскую революцию обрушился интернациональный враг — буржуазия всех стран и сеет в рядах трудовых масс национальную рознь, чтобы подорвать революцию и пошатнуть главный фундамент нашей классовой борьбы — солидарности и единения всех трудящихся. Вы должны выступить против сознательных и бессознательных контрреволюционеров, за правое дело освобождения трудового народа от капитала и власти. Ваш революционный долг — пресечь в корне всякую национальную травлю и беспощадно расправляться со всеми виновниками еврейских погромов. Путь к освобождению трудящихся лежит через объединение трудящихся всего мира.

Да здравствует интернационал труда!

Да здравствует свободная, безвластная анархическая коммуна!

Исполком Военно-Революционного Совета Гуляй-польского района.

Гуляй-польская группа анархистов "Набат".

Командующий армией повстанцев-махновцев Батько Махно.

Начштаба армии повстанцев-махновцев Б. Веретельников

Село Гуляй-поле 15 мая 1919 г. »[452].

— Ну, что нравится? — спросил он.

— Да, отсюда следует, что Махно — командарм, — ответил я.

— 17-го приехала комиссия от Григорьева, помнишь мы посылали? — продолжал Долженко. Вот мы и собрались в штабе дивизии послушать доклад. Рассказывал член комиссии А. Чубенко:

— Мы отправились в Григорьевский лагерь, чтобы на месте убедиться в его политической физиономии. В Нижнеднепровске встретили Пархоменко[453], командующего екатеринославской группой красных войск против Григорьева, накануне прибывшего из г. Харькова. Екатеринослав в третий раз переходил в руки Григорьева. Мы просили пропустить

нас в город, в надежде встретить Максюту[454], от которого надеялись узнать, чем дышит Григорьев. Но Пархоменко не пропускал через фронт, тормозил. Мы написали Григорьеву письмо, в котором уведомляли о своей миссии и спрашивали, во имя чего он поднял восстание. Но Пархоменко категорически отказался передать пакет, и мы не знали, что делать. 15 мая Пархоменко выгнал из Екатеринослава григорьевцев и лично убил Максюту, мы отправились смотреть жертвы. Григорьевцы убили на Чечеловке три еврейские семьи; в Кайдакских оврагах нашли 13 трупов: 11 евреев и 2 рабочих. В Брянской покойницкой было 70 трупов, в железнодорожной больнице — 19, в александровской — 15. 75% из числа убитых были евреи.

— А может быть они убиты в бою? — уточнил Озеров.

— Нет, по всему видно, это мирные жители, — возразил Чубенко.

Лицо погромщика начало принимать все более определенный облик, но по одному Екатеринославу нельзя было судить о целом движении. Мы снова просили Пархоменко пропустить через фронт, но, как и в первый раз, нам было отказано. Тогда мы решили телеграфировать Каменеву, и Пархоменко получил указание:

«Предоставьте делегатам возможность перейти или переехать линию огня. Примите меры для обеспечения их безопасности, если это нисколько не в ущерб нашим боевым действиям. Так, или иначе, вы, разумеется, никакой гарантии им дать не можете. Они должны действовать на свой страх и риск. Митинговать можно только по ту сторону фронта, но ни в коем случае не в наших частях.

Каменев»[455].

— Григорьевцы бежали, и нам невозможно было за ними угнаться. В Мироновке, возле ст. Верховцево, нашли 59 изуродованных трупов евреев и одного русского рабочего. В некоторых окрестных деревнях крестьяне открыто заявляли, что они григорьевцы. Пленные григорьевцы говорили, что им приказано идти бить жидов и что они за Советскую власть. Каждого десятого пленного григорьевца большевики расстреливают...[456].

16 мая в Екатеринославской тюрьме, переполненной пленными, политическими, уголовными и другими заключенными, произошло восстание, в результате которого тюремщики были разогнаны и город был захвачен освободившимися из тюрем...[457]

Вобщем мы выяснили, что григорьевщина — это петлюровщина, — закончил Чубенко.

— Эсерам доклад комиссии не понравился, и они разводили руками, не зная, что делать, — продолжал Долженко.

Собрание решило Григорьеву объявить войну. Была выделена коллегия для составления против него воззвания, которое 18 мая во множестве отпечатано листовкой, а на 4 июня намечено опубликовать в газете «Путь к Свободе» № 3. Молодцы Аршинов и Махно, право молодцы члены коллегии! Ты только почитай и убедишься, — протягивая мне другое воззвание, говорил Долженко.

«Кто такой Григорьев?»

Братья трудящиеся! Когда мы год тому назад вступили на путь беспощадной борьбы с гетмано-австрийским нашествием, с гетманщиной, а затем с петлюровщиной — мы ясно отдавали себе отчет в этой борьбе, и с первого же дня пошли под знаменем, на котором написано, что освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся. Эта борьба привела нас к многочисленным победам глубокого смысла — мы изгнали германцев, сбросили гетмана, не дали утвердиться мелко-буржуазному царству Петлюры и приступили к созидательной работе на освобожденной земле. Одновременно с этим мы постоянно предупреждали широкие массы народа о том, чтобы они зорко следили за тем, что делается вокруг них, что многочисленные хищники рыскают вокруг народа, высматривая удобный момент, когда бы они могли захватить власть и укрепиться на народной спине. Такой хищник сейчас объявился в лице атамана Григорьева, который, каркая народу о его бедствиях, труде и угнетении, на самом деле несет ему старый разбойничий порядок, при котором труд народа будет поработен, бедствия его возрастут, неволя закрепится, права упадут. Обратимся к самому атаману Григорьеву...

Что говорит нам атаман Григорьев? С первых слов своего универсала он говорит, что Украиной управляют люди, распявшие Христа, и люди, пришедшие из московской “обжорки”.

Братья! Разве вы не слышите в этих словах мрачного призыва к еврейским погромам? Разве вы не чувствуете стремления атамана Григорьева порвать живую братскую связь Революции Украинской с Революцией Российской?..

Григорьев говорит, что он борется против комиссаров, за подлинную власть Советов. А в том же самом Универсале он говорит: “Я атаман Григорьев... вот вам мой приказ — избирайте своих комиссаров”. И далее, заявляя, что он против пролития крови, Григорьев в том же Универсале объявляет мобилизацию и рассылает гонцов на Харьков, на Киев и пишет: “Приказ мой прошу исполнить. Все остальное сделаю сам”. Что это? Подлинная власть народа?..

Братья крестьяне, рабочие и повстанцы! Многие из вас будут задаваться вопросом, — как же быть с теми многочисленными повстанцами, которые честно сражались за Революцию, а теперь, благодаря предательству Григорьева, очутились в его позорных рядах. Считать ли их контрреволюционерами?

Нет! Эти товарищи являются жертвой обмана. Мы уверены, что здоровое чутье революционеров подскажет им, что Григорьев обманул их, и они уйдут от него вновь под знамена Революции. Поэтому мы считаем по-прежнему революционерами повстанцев, которые завтра же будут бороться с нами против русской и мировой буржуазии.

Мы должны сказать, что причины, создавшие все контрреволюционное движение Григорьева, заключаются не только в самом Григорьеве, но в большей степени в том беспорядке, который установился у нас на Украине последнее время. Со времени восстановления у нас Советского строя у нас установилась диктатура партии большевиков.

Как партия государственная, партия большевиков всюду настроила государственные органы, для управления революционным народом. Все должны подчиниться этим органам и жить под их бдительным оком, и всякое сопротивление, протест, или даже самостоятельное начинание пресекались Чрезвычайными Комиссиями. Вдобавок, все эти органы в большинстве составлены из лиц далеких от труда и от Революции. Таким образом, создалось положение, при котором весь трудовой и революционный народ был отдан под надзор и управление людей невежественных и склонных к произволу и насилиям над широким населением. Это создало в массах озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался Григорьев в своей авантюре. Григорьев — предатель революции и враг народа. Но партия большевиков своей безответственной диктатурой создала в трудовых массах озлобление, которым сегодня и воспользовался Григорьев, а завтра воспользуется какой-нибудь другой авантюрист. Поэтому изобличая атамана Григорьева в предательстве революции, мы в то же время выражаем протест против безответственной большевистской диктатуры, простирающейся даже на рабочие массы и на революционнейшее крыло рабочего класса — революционный анархизм. Мы еще и еще раз напоминаем трудовому народу, что избавление от окружающего его гнёта, насилия и нищеты, народ может достигнуть только своими народными усилиями. Никакая смена властей не поможет ему в этом. Только через свои рабочие и крестьянские организации трудящиеся могут достигнуть берегов социальной Революции — полной свободы и подлинного равенстве.

Смерть и гибель предателям и врагам народа!

Долой национальную травлю!

Долой провокаторов!

Да здравствует всеобщее сплочение рабочих и крестьян!

Да здравствует Всемирная Свободная Трудовая Коммуна!

Подписали: Коллегия штаба дивизии войск имени Батьки Махно.

Ответственные члены коллегии: Батько Махно, А. Чубенко, Михалев-Павленко, А. Ольховик, П. Пузанов, В. Шацовский, Г. Горев, П. Аршинов, Б. Веретельников, И. Чучко, Е. Карпенко.

Члены Исполнительного Комитета Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов г. Александровска:

Председатель Уездного Исполнительного Комитета

Е. Андрищенко, Зав. Отделом Управления — Ф. Шпота[458]

Зав. продовольственным отделом — Гаврилов.

Член Горисполкома политком — А. Бондарь»[459].

— Как тебе нравится, даже Александровский Совет, когда-то кричавший на махновцев, подписывает это воззвание? — спросил Долженко.

— Что удивительного; пора и за ум взяться. Вон сила какая надвигается. Всех помирят. Очевидно для александровцев сверху дан отбой. Изменять так убеждения и мнение от себя человек не может, — ответил я.

— Андрющенко и Бондарь особенно протестовали против анархо-коммунистических взглядов, изложенных в возвании, — продолжал Долженко. — Но Махно, как всегда, когда касается принципиальных вопросов, был непоколебим. Александровцы уклонялись от подписи, но Махно заявил, что менять текст не будет. На том и порешили.

Отпечатано обращение массовым тиражом и разослано, куда только можно, даже в стан Григорьева.

— А вот еще у нас радость, — говорил Долженко, развязывая пачку газет, — прекрасное название — «Путь к Свободе», первый номер.

В нем по поручению штаба Махно дает ответ на известную клевету:

«ЧЕГО ДОБИВАЮТСЯ ПОВСТАНЦЫ-МАХНОВЦЫ. БЕЗУМНО ХРАБРЫМ ПОЕМ МЫ СЛАВУ.

Часть 1-я.

Повстанческое движение на Украине, начавшись отдельными разрозненными фактами восстания крестьян против гетманщины, германо-австрийского нашествия, против петлюровщины, разрослось, слило свои ручьи в одно широкое русло и в настоящее время течет могучим, гордым потоком под знамена революционного анархизма, очищая трудовую землю от всевозможной буржуазной контрреволюционной нечисти и пытаясь на освобожденной земле основать царство действительной свободы и подлинного равенства. Естественно, что это движение вызывает великие надежды у одних — у борющихся рабочих и крестьян — и дикое беснование, злобу и ненависть у других — у разбитых и изгнанных помещиков, у сопротивляющейся повстанчеству контрреволюции и у так называемой советской буржуазии. Мы здесь остановимся на фактах беснования и лжи, которые проявляет упомянутая советская буржуазия по отношению к повстанчеству.

В номере 97 от 25 апреля с. г. газеты “Известия” Харьковского Совета рабочих и крестьянских депутатов появилась статья под кричащим названием — “Долой Махновщину!”. Статья передовая, не имеет под собой подписи и, следовательно, является официальной статьей газеты “Известия”. От начала до конца статья пропитана непримиримой, чисто буржуазной ненавистью к повстанческому движению, руководимому товарищем Махно, переполнена лживыми замечаниями и лицемерными рассуждениями о рабоче-крестьянской революции, с которой большевизм все более и более теряет живую связь, замыкаясь в своих властнических правительственных органах. Газета высказывает сожаление о том, что повстанческое движение на Украине попало под руководство т-ща Махно и его товарищей анархистов.

Она дает ряд лживых сообщений о том, что махновщина с первых дней своего зарождения сыграла предательскую и погромную роль по отношению к Советской власти. Так, в Павлограде, говорит газета, махновцы гнусным образом разгромили Советскую власть. Махновское восстание в Екатеринославе дорого обошлось рабочим и комитету коммунистической партии. Газета не объясняет, что значит дорого обошлась рабочим и комитету коммунистической партии, но ясно, что она бросает здесь провокационную мысль о разгроме рабочих и комитета большевиков отрядами т-ща Махно. Говоря далее о контрреволюционном характере повстанческого движения, руководимого т-щем Махно, газета останавливается на третьем районном Гуляйпольском съезде рабочих, крестьян и повстанцев и пишет:

“Съезд был созван распущенным формально, но, фактически, очевидно, существовавшим «военно-революционным штабом». Самой гнусной, самой безудержной агитацией против Советской власти, против третьего съезда Советов, против красноармейской дисциплины, демагогией против чрезвычайок наполнены пункты бессвязной, весьма безграмотно написанной резолюции. Рабочих и крестьян, съехавшихся на съезд, ловко одурачила группа темных лиц, скрывающихся под никому неизвестными именами Чернокнижный, Щусь и пр. Сам Махно, очевидно, отсутствовал, но его дух занимал место почетного Председателя съезда”.

И далее газета добавляет, что “безобразиям, творящимся в царстве Махно, должен быть положен предел”, и предлагает созвать свои съезды рабочих и крестьян из уездов Александровского, Мариупольского, Бердянского, Бахмутского и Павлограде кого, которые газета считает зачумленными махновщиной. На этих съездах разъяснить всю контрреволюционную сущность махновской агитации и работы.

Что касается разгрома повстанцами Советской власти в Павлограде, то об этом нам нет здесь смысла говорить. Всякий повстанец, всякий местный житель знает, что первой заботой повстанцев в Павлограде было изгнание из него буржуазной и контрреволюционной своры и восстановление органов советского и революционного управления и только окончательно бесстыдный человек или группа советских чиновников, наживающих за счет революции теплые места, чины и прочее, могут писать такую позорную и удивительно глупую ложь.

Газета называет резолюцию третьего районного Гуляйпольского съезда рабочих, крестьян и повстанцев гнусной агитацией против Советской власти, контрреволюционной и т. д. Между тем, о чем говорили в этой резолюции рабочие, крестьяне и повстанцы, съехавшиеся на съезд от 72 волостей?

Они, во-первых, горячо протестовали против обзывания их революционного съезда контрреволюционным. Заявили, что никакие угрозы со стороны начальства их не пугали и не пугают и что они всегда готовы к защите своих народных прав. Резолюция съезда протестовала против деспотического обращения современной власти с рабочими и крестьянами, ссылаясь на имеющиеся у съезда данные массовых расстрелов рабочих, крестьян и повстанцев, чрезвычайными комиссиями и иными агентами правительства. Съезд далее заявил, что чрезвычайные комиссии, предназначенные для борьбы с

контрреволюцией и бандитизмом, превратились в органы устрашения рабочего класса, подавления его воли и свободы, что в иных местах они достигли внушительных размеров в несколько сот человек разного рода оружия и подобно деспотическим африканским царькам или губернаторам былых времен разъезжают по стране, наводя страх и ужас на мирное население, ища в рабочей и крестьянской среде контрреволюцию. Съезд требовал эти хорошо вооруженные, хорошо откормленные и бесчинствующие отряды чрезвычайщиков отправить на фронт, где находится настоящая контрреволюция. Далее съезд протестовал против системы назначенчества, по которой во все военные и гражданские службы власть назначает начальников свыше, требовал удаления этих начальников и замены их выборными из рабочей, крестьянской и повстанческой среды товарищами. Съезд требовал уничтожения реквизиционных продовольственных отрядов, силою забирающих хлеб не только у кулаков, но и у массового крестьянства и замены этих отрядов организацией товарищеского продуктообмена между городом и деревней. Съезд требовал отмены партийной диктатуры, при которой не позволяют ни говорить, ни издавать газеты, даже самому правдивому, самому революционному течению рабочего класса — революционному анархизму, борющемуся не за власть, а за безвластие, за свободу рабочих и крестьянских союзов, при которых рабочие и крестьяне с помощью этих союзов сами устраивают свою социальную и политическую жизнь без начальствования какой бы то ни было партии.

Вся резолюция третьего районного Гуляйпольского съезда рабочих, крестьян и повстанцев от начала до конца пропитана настоящим революционным духом и написана она героическими крестьянами-повстанцами, боровшимися на протяжении почти всей революционной истории Украины с жестоким германо-австрийским нашествием, с гетманщиной, с петлюровщиной, с деникинскими бандами и прочей черной контрреволюционной силой. Как же смеют, кто бы то ни было, называть наш трудовой и повстанческий съезд контрреволюционным и резолюции съезда гнусными и предательскими?

Как же смеют наше повстанческое движение махновщины, которое своею повстанческою кровью пропитало на три аршина вглубь землю в разных местах Украины, пламенно борясь за общую свободу трудящихся, называть контрреволюционным и предательским?

Очевидно, на длинном пройденном нами революционном пути, начиная от Курска, вплоть до берегов Черного и Азовского морей, образовались нездоровые злокачественные наросты, которые уродуют нашу революцию, придавая ей безобразный вид, искажая ее живую душу.

Надо разобраться в этом.

Батько Махно. (Окончание будет в следующем номере)»[460].

Там же на четвертой странице писалось:

«Гуляйпольский союз анархистов.

Несмотря на широкое повстанческое движение в Гуляйпольском районе, движение, носящее глубоко анархический характер, в самом районе планомерная организованная работа

анархистов долгое время не велась. Лишь в отдельных местах района были разрозненные попытки некоторых товарищей начать анархическую пропаганду, но не связанные единством плана и действий, попытки эти не оставляли после себя заметных следов.

С приездом нескольких товарищей из Конфедерации анархистских организаций “Набат” впервые приступили к более или менее планомерной работе. Стали выпускать местный орган “Набат”, издавать листки, выступать от организации на митингах и собраниях. Тем не менее, за отсутствием достаточного количества работников в группе “Набат”, работа этой группы не могла охватить даже части потребностей Гуляйпольского района, нуждающегося в анархическом слове в широком его смысле — в предоставлении трудовому населению наших газет, разнообразных изданий по анархизму, устройство клубов, в практических работах по организации на местах свободных крестьянских коммун и т. д.

Поэтому с приездом в Гуляйполе ряда старших наших работников был сразу же поставлен вопрос о создании здесь на месте организации, которая объединила бы на практической почве широкие круги работников идейного анархизма и взяла бы на себя задачу удовлетворять все разнообразные запросы трудового населения в анархическом слове. Создание названной организации произошло быстро, и в настоящее время она приступила к широкой работе в районе, назвав себя — “Гуляйпольский Союз Анархистов”.

Задачи “Союза” большие и разнообразные. Прежде всего, необходимо объединение всех здоровых анархистских сил всего района в одно целое. Союз наметил создание органов, которые широко пропагандировали бы среди рабочих и крестьян идею анархического строительства жизни. Союз приступает к созданию издательства нашей литературы, могущей удовлетворить как местные, так и общие потребности в анархической литературе. Союз имеет в виду создание ряда анархических клубов, где бы наши товарищи могли планомерно и систематически вести занятия с трудящимся населением по вопросам социального строительства.

Почва для анархической работы здесь чрезвычайно благоприятна, и союз обращается ко всем опытным товарищам — связаться с ними на почве идейной анархической работы, присылая в союз материалы для газет, для брошюр, желательно непосредственное участие в организационной и культурной работе здесь на месте.

Союз со своей стороны шлет привет товарищам из Конфедерации “Набат” и изъявляет желание вступить в конфедерацию на правах самостоятельной организации. Это необходимо, во-первых, для координации своих действий с новыми анархическими организациями и затем для объединения наших сил, одинаковым образом понимающих наши задачи и борющихся за одно и то же. В этом отношении, по мнению союза, инициативной группой из Конфедерации, взявшей на себя почин и обязательство объединить все наши здоровые, но распыленные силы в одно целое, сделано колоссально много, и она выражает свою искреннюю товарищескую признательность названной группе.

Привет всем товарищам, неизменно несущим знамя идейного революционного Анархизма!

Гуляйпольский Союз Анархистов»[461].

В том же номере опубликованы:

«Общие основания организации Гуляйпольского Союза Анархистов.

1. Цели и задачи организации.

Организация имеет своей целью единую анархическую работу среди трудящихся масс, выражающуюся в устной и письменной пропаганде анархизма, в издании газет, брошюр, листов, устройстве лекций и т. д. Организацию свободных крестьянских коммун, на деле знакомящих трудовые массы крестьян с настоящей коммунистической жизнью.

Организацию экономических союзов рабочих, имеющих целью приучение рабочих к самостоятельной хозяйственной и политической жизни. Установление революционных связей между городом и деревней в целях непосредственного продуктообмена, приводящего затем к безвластной трудовой коммуне рабочих и крестьян.

Примечание к § 1-му: Организация анархистов ни в коем случае не перейдет на роль политических партий, обещающих освобождение трудящихся при помощи захвата партией политической власти, так как анархисты держатся принципа, что освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся.

2. Методы организации.

Там, где господствует буржуазия, организация признает закрытые и открытые способы ее свержения. Где господствует Советский строй, организация, пропагандируя анархический идеал, применяет критический, в партийном смысле слова, способ развития революции, не участвуя в каких бы то ни было выступлениях, в целях свержения и захвата современной власти, но путем вскрытия мелких и основных недостатков современного строя, внедряет в массы идею анархического строительства жизни. Анархический метод борьбы отличается содержанием, силой и не терпит легкой партийной фразеологии.

3. Дисциплина.

Членами организации могут быть лишь сознательные убежденные анархисты, ясно понимающие разницу между анархизмом и иными политическими течениями и активно склоняющиеся к анархической работе в том смысле, в каком ее понимает организация. Вступая в организацию, товарищи берут на себя моральную обязанность проводить в жизнь принципы и задачи организации. Взятые на себя членами организации обязательства должны быть выполняемы. Все выступления от имени организации обсуждаются на общем собрании членов организации. Выступающие от имени организации должны иметь соответствующее разрешение от организации. Товарищи дают отчет о выполненных ими поручениях от организации. Вся организация в целом периодически дает отчет о своей деятельности.

Прием в члены организации совершается решением организации по рекомендации принимаемого кем-либо из членов организации.

Исключение из организации совершается решением организации за нарушение основных положений организации или позорящее организацию поведение по соответствующему заявлению кого-либо из членов организации.

Организация называется “Гуляйпольский Союз Анархистов”»[462].

Видя, что я оторвался от чтения и удивленно смотрю, Долженко объяснил.

— Что касается «Союза», то мы в нем давно, под тем же названием, но сейчас это должна быть более совершенная организация с более обширными задачами и полномочиями... — И еще, Виктор, — продолжал Долженко, — есть решение штаба с твоего участка на подавление Григорьева направить 4-й Заднепровский полк и бронепоезд «Спартак»[463].

Дыбенко пробовал еще взять войска с нашей дивизии, но ему указали на недопустимость этого, так как он с 6-го мая Наркомвоенмор Крымской Республики и командарм Крымской и его приказы на нас не распространяются, а если он такой всесильный, то пусть берет полки у 13-й армии. Между прочим, 9-я дивизия тоже должна дать полк на Григорьева, кажется 73-й.

На мои протесты Долженко ответил:

«Слушай, Виктор, Григорьев — контра, ты сам говорил. Если его не подавить, завтра деникинцы будут здесь. А там тоже трудно, войска переходят на его сторону. Да и в народе понимают, что мы с ним союзники, необходимо определиться более конкретно. Поэтому решили ослабить твою бригаду и громить предателя революции сообща. А ты потерпи, обойдись, войска формируют, помощь будет.»

В этой связи, несколько позже газета «Набат» писала: «... Добавим, что получив точные сведения о Григорьеве, тов. Махно послал ему телеграмму, в которой объявил его контрреволюционером и отправил несколько эшелонов в Екатеринослав против Григорьева...»[464].

Меня срочно вызвали к аппарату со станции Моспино. Командир 1-го советского полка Чайка просил помощь:

«Молю, дай подкрепление, надо задержать Шкуро, мы разбиты, отходим на Еленовку. Шкуровцы колоннами при двух бронепоездах, 4-х танках малого калибра лезут, как черти, идут в атаку и уже заняли ст. Авдотьино, разбили соседний полк, теперь повернули на меня и жмут со всех сторон, дайте помощь, патрон... некогда... бежим...»Связь прервалась.

К середине мая белые создали сильную группировку на фронте 9-й армии, с целью прорвать фронт и выйти в тыл советских войск на соединение с восставшими казаками.

В телеграмме военкома Южного фронта Галанина говорилось:

«...Командюж категорически требует самых решительных наступательных действий от 13-й, 8-й и 2-й Укрармий в связи с тем, что противник приступил к выполнению операций по

прорыву фронта нашей 9-й армии в направлении Гундоровская–Миллерово»[465].

Наше наступление, начатое 14 мая, должно было облегчить положение 9-й армии и сорвать планы противника.

Мы в то время взаимодействовали с 8-й и 13-й армиями. Усталые и обескровленные наши войска в наступательных боях все же имели успех. 8-я армия 15 мая освободила г. Луганск, части Первой Украинской повстанческой дивизии им. Б. Махно углубились в тыл противника и освободили железную дорогу и станцию Кутейниково[466]–Амвросиевка[467].

Основная железнодорожная коммуникация Донецкой группы Добровольческой армии нами была перерезана. Противник оказался под угрозой быть вообще отрезанным от своих баз.

Но закрепить наш успех было нечем. Сил в распоряжении Южфронта и нашей 2-й Украинской армии не было.

Между тем противник, спасая положение, снял с фронта 9-й армии конный корпус генерала Шкуро и перебросил его на участок 13-й Красной Армии.

К этому времени соотношение военных сил на Южном фронте резко изменилось, против 73 тыс. красных пехотинцев и кавалеристов было 100 тыс. штыков и сабель белых, в том числе 26 дивизий кавалерийских[468].

На подавление восстаний казаков на Дону и Григорьева на Украине было отвлечено 30 тыс. бойцов[469]. Кроме того, Наркомвоен Украины вынужден был в 1919 году держать во внутренних войсках для борьбы с повстанчеством более 84 тысяч человек, до 40 тысяч винтовок, до 300 пулеметов, 41 орудие и 3 673 лошади...[470]

Четырехмесячные кровопролитные бои в Донбассе, «топтание» войск на одном месте, отвратительное снабжение продовольствием, обмундированием, нехваткой боевого снаряжения, эпидемические болезни, антинародная земельная и продовольственная политика на Украине, непризнание партий, стоящих на социалистической платформе, перегибы и бюрократические извращения ослабили фронт.

В этих условиях войска Южного фронта не только не могли наличными силами нанести противнику поражение, но, напротив, сами находились под угрозой удара войск белых.

Угроза эта с каждым днем становилась все более явной.

19 мая 1919 года началось общее контрнаступление белых, которое в Донбассе развивалось по трем направлениям: на Приазовье, центр Донбасса и на Луганск.

Используя почти двойное превосходство в силах и наличие крупных кавалерийских соединений свежих войск, действуя по флангам и в стыках наших войск, используя развитую железнодорожную сеть Донбасса, бронепоезда, танки, тяжелую артиллерию, броневики, самолеты, противник развивал наступление по всему фронту. Особенно он напирал на Юзовский участок.

Сосредоточив сильные пехотные части и корпус ген. Шкуро, после трехдневных непрерывных атак, активно используя боевую технику, белые потеснили и без того поредевшие в бою 17 мая 9-й Заднепровский и 55-й Украинский (бывш. 15) полки.

В приказе войскам 13-й армии от 19 мая 1919 года говорилось: «...Противник продолжает упорно сопротивляться нашему продвижению вперед, по-видимому, получив подкрепление для действия в направлении ст. Доля, ст. Криничная...»[471].

Оперсводка штаба 2-й Украинской Советской Армии от 19 мая 1919 года сообщала:

«Таганрогское направление — Алмаз. На наше наступление в направлении Кутейниково противник ответил контрнаступлением силою до шести тысяч и пытается прорвать наш фронт на стыке 2-й Украинской и 13-й армий. Наши части отступили к западу на линию Ларине–Бешево.

Внутренний фронт. Екатеринославское направление — противник, перейдя в наступление, оттеснил наши части к ст. Сухачевка»[472].

Было трудно, но прорыва не было, хотя именно за эти бои нас позже обвинят в открытии фронта Деникину.

Мы ждали обещанной помощи и боеприпасов, но тщетно. Нас как будто забыли.

А между тем Шкуро продолжал развивать свой успех. Он разбил первый советский полк Чайки, изрубил наше подкрепление, высланное с берданками к разъезду Доля и, захватив в плен красный полк 13-й армии, двинулся в тыл 13-й армии, то есть на села Александровку, Марьинку, Максимильяновку, закрепив пехотой участок — Еленовка. Со станции Кураховка белые численностью в 7 000 сабель, при двух танках и 16 орудиях, поднялись к северу на Галициновку и напали на Очеретино, подвергая с тыла опасности Юзово-Авдеевку[473].

Антонов-Овсеенко писал: «Шкуро воспользовался образовавшимся прорывом на участке Рутченково–Доля (линия фронта 9-й дивизии 13-й армии. — А. Б.) ударил на Гришине и, выдвинув заслон к Чаплине, рядом ударов в направлении Константиновка–Бахмут–Попасная и далее к северо-востоку вошел в тыл частям Южного фронта...»[474].

В ночь на 20-е белые заняли ст. Межевую[475] и распустили слух, что идут на соединение с Григорьевым. Но это был обман, к обеду они спустились на юг и прошли Новопавловку, Комарь и Богатырь — тыл махновского участка.

В этот день г. Бердянск, с. Урзуф и Ялта подверглись обстрелу с моря.

20-го мая командарм 2 докладывал командукру:

«Сведения о подготавливавшемся прорыве левого нашего фланга имелись в штабе армии к 8 мая. Для противодействия штармом 2 подготавливалась 1-я бригада 7-й дивизии, бригада Покусы в составе 55-го, 56-го, 57-го пехотных полков, 5-го особого кавалерийского; 55-й полк был отправлен из Екатеринослава в Золноваху 7 мая. Остальные заканчивали

снабжение и должны были двинуться 10 мая. Но 9-го числа началось наступление Григорьева на Екатеринослав, и 56-й, 5-й кавалерийский, особый кавалерийский были брошены против Григорьева, 56-й полк небоеспособен, 57-й из черноморцев не пожелал сражаться против Григорьева и был разоружен, расформирован и отправлен в Харьков. Все остальные части вошли в состав вновь образованной для действия против Григорьева армии Дыбенко и вышли из распоряжения 2-й армии. Таким образом, 11 мая в нашем распоряжении в 1-й повстанческой дивизии Махно 20 000 штыков и 2 000 сабель при незначительном количестве пулеметов, пяти легких орудий и при двух 48-линейных гаубицах. Эти части несут охрану побережья от Гурзуфа до Новониколаевской и занимают позицию от Новониколаевской по р. Грузкой Еланчик до Покровского Киреева и далее на северо-запад на ст. Моспино, имея на фронте около 9 000 штыков и 1 000 сабель при семи орудиях; прочие части дивизии в периоде формирования. Кроме того, придан начдиву Махно 55-й Украинский полк...»[476].

Как же так? Сведения о готовящемся прорыве нашего фронта имелись в штабе 2-й Укрармии к 8 мая, но нам об этом сообщено не было. Более того, отправка с Волновахского (махновского) участка фронта (место предполагаемого штармом 2 прорыва белых) на Григорьева 4-го Заднепровского полка и бронепоезда «Спартак» приветствовалось командованием.

Вместо принятия мер к недопущению прорыва и контрмер командование, надо полагать, сознательно ослабляло важнейший волновахский участок снятием с него войск и неприсылкой боеприпасов. Положение было катастрофическое. Масса добровольцев, но без оружия.

Какие же меры были приняты командованием для сохранения фронта?.. Не готовился ли уже тогда обвинительный материал для антимажновского процесса?..

Прорыв Шкуро в тыл создавал большую угрозу всему фронту. Не было достаточного резерва, чтобы бросить его на встречу белым партизанам, ни у нас, ни у красного командования, которое все еще было занято григорьевщиной.

Да и откуда у командарма 2 Скачко резервы?

После формирования из 1-й бригады Заднепровской стрелковой дивизии 6-й Украинской стрелковой дивизии Григорьева; из 2-й бригады Заднепровской дивизии отдельной Крымской Армии в подчинении командарма 2 осталась только 3-я бригада (Махно) Заднепровской дивизии, развернувшаяся в 1-ю Украинскую повстанческую дивизию им. Б. Махно.

Формально в составе 2-й армии числилась 7-я дивизия Чикваная, которая должна была составиться, по расчетам Антонова, из бригады Махно, 2-й отдельной бригады Покусы, Крымской бригады и 5-го кавалерийского полка.

Скачко писал впоследствии: «Но из бригады Покусы фактически существовал только один 55-й (бывш. 15) полк. Он и был переброшен на левый фланг махновских войск. Остальные же полки этой бригады (56 и 57), формировавшиеся в Екатеринославе, попали в восстание

Григорьева и были расформированы. 5-й кавалерийский полк был обращен против Григорьева и застрял на Полтавщине, а Крымская бригада, кажется, так и не успела сформироваться, по крайней мере, в составе 2-й армии она не появилась.

20 мая я доносил Южфронту и Укрфронту, что сейчас вся Украинская армия состоит только из бригады Махно, единственно пришедший 55 (бывш. , 15) полк был почти уничтожен противником в бою под Волновахой... Остался только один штаб, который должен был руководить 7-й дивизией Чикваная, а за неимением таковой оперативно руководил бригадой Махно... Из Екатеринослава отступила (при наступлении Григорьева. — А. Б.) вовсе не армия (которой не существовало) и даже не отдельные ее части, а был выведен один только голый штаб, без единого штыка...»[477].

В 20 числах мая противник, сосредоточив подавляющие силы конницы с артиллерией восточнее Луганска, прорвал фронт и глубоко проник в тыл, быстро расширив прорыв действиями на флангах и в тылу наших расстроенных 8-й и 9-й армий. Наличие конницы обеспечивало противнику прорыв и соединение его с районом восстания казаков, что вынудило красные войска оттянуть назад ближайшие к этому району части.

Этот отход (в особенности частей 11-й армии) проходил в исключительно неблагоприятных условиях (по пути восстало все население)[478].

20 мая в своем письме Г. Сокольникову В. И. Ленин писал:

«Пользуюсь оказией, чтобы побеседовать подробнее о восстании. Ваша телеграмма от 17 (Нр. 189) очень меня угнетает: Вы говорите только о “разложении” “эквойск”[479] и ни слова о дивизии (34, кажись), высадившейся для подавления восстания! Ни слова!

После наступления на Питер для нас подавление восстания, самое беспощадное, немедленное..., абсолютная необходимость...

Изо всех сил наляжем также на переселение на Дон из неземледельческих мест для занятия хуторов, создания соответственно укрепления тыла и прочее...»[480].

Надо было ликвидировать корпус Шкуро в нашем тылу. Сильного кулака 13-я армия не имела, и Шкуро безнаказанно занял Гришинский район — тыл 13-й армии. Затем Шкуро свернул из Гришине к нам в тыл. Следовало жертвовать всем во имя спасения фронта. И штабом 2-й бригады Повстанческой дивизии, навстречу прорвавшимся белым войскам, немедленно был брошен 9-й греческий полк, снятый из села Бешево и 12-й кавалерийский.

21-го мая они встретились в с. Б. Янисоль на реке Мокрые Ялы. От исхода сражения зависела судьба фронта, отчего наши командиры особое внимание обращали на маневрирование и огонь полка. Надо сказать, что 9-й полк состоял преимущественно из греков Б. Янисольского района, где шкуровцы успели расправиться с их родными и Советами. Руководимые чувством мести, они, как львы, набросились на Янисоль, выволакивая из домов на улицу казаков и расстреливая их.

Но час был недобрый. Со стороны сел Комарь, Константины и Богатырь появились новые полки Шкуро. Естественно силы были не равны, да к тому же недоставало патронов. Однако полк жестоко дрался в течение целых суток, а под конец не выдержал и начал отступать. Шкуровцы переходили в атаку, наш кавалерийский полк — контратаку, давая возможность пехполку отступить на Керменчик.

Повстанцы защищали свои семьи, свои хаты, были единодушны, так как подразделения состояли из односельчан. Трусов не было. И рубка была страшная. Раненых и пленных не было.

Командир полка Морозов был зарублен, а с ним легли и все шестьсот кавалеристов. Пехота, выбившись из сил, израсходовав патроны, парировала штыками, пока, наконец, у с. Керменчик не была окружена и целиком изрублена. Лишь комполка, да остаток в 400 человек, успели уйти и только они остались в живых — все остальные погибли.

Итак, наших двух полков не стало. Шкуровцы, понеся серьезные потери, замедлили движение и, видимо, отдыхали, чтобы снова напасть.

21-го мая командарм 2 докладывал командукру:

«...Волновахский прорыв собственными силами армии не только не может быть ликвидирован, но не предоставляется возможным приостановить развивающийся успех противника. Для ликвидации прорыва и восстановления прежнего положения необходимо срочно не менее одной пехотной бригады при соответствующей артиллерии и коннице. Дивизия Махно испытывает нужду в ружейных патронах и артиллерийских снарядах. В резерве 2-й армии лишь 2-й интернациональный полк (400 штыков)»[481].

Тогда же деникинцы прорвали фронт 9-й армии в общем направлении на Морозовскую[482] и повели войска на соединение с восставшими на Дону казаками.

22 мая командарм 2 вновь тревожит командукра:

«...Противник значительными силами прорвал стык между 9-й и 1-й повстанческой (Махно) дивизиями. Его конница, заняв к вечеру 21 мая Максимилиановку, Марьевку, Александровку (Кременная), распространяется на север и северо-восток, угрожая далее прорывом на ст. Желанная и Гришине, которые эвакуируются. Я отдал категорический приказ для ликвидации прорыва Шкуро и образования ударной группы у Махно, снять с его боевых участков все части, не останавливаясь даже перед временным оголением Мариупольского узла, и бросить все к Волновахе с целью развить энергичный контрудар в северном и северо-восточном направлении, дабы спасти катастрофическое положение 13-й армии. Еще раз убедительно прошу в силу критического момента на Донбасском фронте о высылке обещанных подкреплений. Только что получено от 9-й дивизии, что части Шкуро продолжают обход в тыл дивизии и уже находятся в двадцати верстах от станции Гришине, где никаких заградительных отрядов нет. 9-я дивизия просит немедленной присылки подкреплений, которых у меня нет!..»[483]

Фронт держался на волоске. И вот в это время Махно пожаловались на работников Бердянской ЧК, на то, что бердянская тюрьма переполнена арестованными и что «богатырские заставы» ревкома не желают идти на фронт.

Дело в том, что бердянское партийное руководство очень желало иметь свои собственные силы, без которых реальная власть существовать не может. И вот Бердянский ревком, как бы для внутренней охраны города, организовал и хорошо вооружил батальон пехоты и отряд ЧК.

Общеизвестно, что по законам военного времени, все гражданские власти и все воинские части, независимо от их назначения, подчиняются командованию, несущему ответственность за боевой участок, на территории которого они находятся. И Махно отдал приказ штабу бригады, находящемуся в г. Бердянске, что для ликвидации прорыва фронта противником и в связи с отказом батальона внутренней охраны и отряда ЧК г. Бердянска выступить на фронт, штабу бригады необходимо освободить арестованных из тюрьмы, разоружить батальон внутренней охраны и весь состав ЧК и всех вместе отправить на передовые позиции[484] 3, где, вооружив, ввести в бой.

Что и было исполнено.

Екатеринославская газета «Известия» от 31 мая 1919 года писала об этом:

«...Бердянск, Таврической губернии.

В конце мая произошел ряд столкновений между местным Ревкомом и военным командованием, вследствие чего уездный съезд советов был вынужден прервать работу и заняться вопросом о взаимоотношениях между революционными органами и военными властями. Представители штаба 3-й бригады имени Махно разогнали без ведома Ревкома Бердянскую ЧК и самовольно выпустили на свободу в ночь на 22 мая всех уголовных преступников».

Положение на фронте было тяжелое и Главком Вацетис в который раз приказывал командукру Антонову-Овсеенко выделить в 24 часа с Укрфронта бригаду пехоты с дивизионом артиллерии в распоряжение командарма 2 Скачко для ликвидации прорыва[485]. Но, несмотря на грозный тон приказа, он не был выполнен.

Отсутствие патронов, снарядов, нехватка оружия — предопределяли и наши неудачи на фронте. Мы несли неоправданно большие потери, особенно в наступательных боях.

Наш Военно-Революционный Совет, Исполком, Штаб всячески искали возможности приобрести или самим наладить производство боеприпасов.

Север нуждался в хлебе — наш фронт в боеприпасах, наметилась возможность обмена. Нужен был хлеб, крестьяне в данной ситуации легко откликнулись.

После шкурковской прогулки в махновском тылу чувствовалось примирение. Все старые обиды, все затеи о «Вольной анархической Федерации» — все недовольство на большевиков

сглаживались и забывались. Масса, чувствуя деникинскую опасность, объединялась в одно целое и готова была жертвовать для фронта. Крестьяне сами предлагали те излишки, которые ввиду близости боевых действий, не успели весной бросить в борозну.

22 мая в Бердянске состоялся уездный съезд, который, кроме разрешения продовольственного вопроса, избрал делегатов на Всеукраинский съезд Волостных Исполкомов, который должен был состояться в Киеве 1-го июня. Довольно интересное отношение съезда к Соввласти и продовольственному вопросу. Уездные Иванычи и Семеновичи, видя, что за спиной Деникина идет помещик, целиком отдались борьбе с ним и становились активными союзниками пролетариата, засвидетельствовав это на съезде.

Вскоре крестьяне Бердянского, Мелитопольского и Днепровского уездов (махновский район), кроме прочего, собрали целевой хлеб для Петрограда и телеграфировали в Наркомпрод: «Просим отправить в Питер 200 вагонов хлеба... Это наш подарок Революционному Петрограду»[486].

С 19-го мая в Гуляйполе шла мобилизация. За два дня был сформирован сводный пехотный полк, численностью в 2 000 штыков, состоящий из Гуляйпольского, Успенковского и Туркеновского батальонов, в составе которых была еврейская рота (150 штыков). Командование над полком принял Б. Веретельников. 22 мая утром полк успел занять село Святодуховку (Любимовка), что 35 в. восточнее Гуляйполя.

21 мая в мое распоряжение прибыли резервы дивизии, состоящие из Пологовского, Басаньского, Ореховского и Токмацкого формирований, общей численностью до 3 000 штыков. Из них я выставил против Шкуро по линии: Каракуба, Святотроицкое и Гайчур северную завесу, поручив командование Паталахе. На следующий день я был вызван в Гуляйполе. С Махно, Лютым и Василевским мы немедленно отправились в Святодуховку, где наша застава привела неизвестного грека, одетого в английское обмундирование, который рассказал, что он уроженец Керменчика, партизан 9-го полка, разбитого Шкуро. Попал в плен, но его отпустили, поручив доставить письмо батьке Махно.

Письмо гласило:

«Атаману Махно, военная, оперативная.

Будучи, как и Вы, простым русским человеком, быстро выдвинувшимся из неизвестности, генерал Шкуро всегда с восторгом следил за Вашим быстрым возвышением, рекомендуя Вас, как незаурядный русский самородок. Но, к сожалению, Вы прошли по ложному пути, будучи вовлечены в компанию с советским движением, губящим Россию во славу какого-то несбыточного интернационала. Это всегда страшно огорчало генерала Шкуро. Но вот на этих днях он с радостью узнал, что Вы одумались и вместе с доблестным атаманом Григорьевым объявили лозунг: “Бей жидов, коммунистов, комиссаров, чрезвычайки!” Да иначе не могло и быть: как талантливый русский человек, Вы должны были рано или поздно понять свою ошибку. Генерал Шкуро находит, что с принятием Вами этих лозунгов, — нам не из-за чего воевать. Мы — кубанцы — тоже против жидов, против буржуазии, комиссаров, коммунистов и чрезвычайек. Мы еще более демократы, чем

пресловутые большевики, но у нас демократизм не искусственный, а естественный, природный. Мы все казаки, от простого казака до генерала, все братья, все вышли из трудового народа и сегодняшней казак завтра делается офицером. Если Вы признаете тоже, что наши политические платформы близко сходятся, то Вы должны признать, что нам воевать, действительно, не из-за чего. Генерал Шкуро предлагает Вам войти в переговоры, гарантируя Вас и Ваших уполномоченных от всяких репрессий. Имя генерала Шкуро достаточно известно и Вам, можете ему верить.

Начальник штаба генерала Шкуро полковник

Шифмер-Маркевич.

9 мая[487] 1919 г. печать:

Кубанская партизанская отдельная Бригада»[488].

— Ах, подлецы, так по вашему я бью жидов, комиссаров и коммунистов во имя демократизма? — вспыхнул Махно, как вдруг, в самом центре села разорвался снаряд, за ним другой, третий.

Со стороны Керменчика показался танк, за ним конные колонны, взвился и сделал облет аэроплан. Шкуро переходил в атаку, а наш полк, заняв на окраине села позиции, отстреливался. Видя безвыходное положение, мы на автомобиле выехали в Гуляйполе, чтобы оттуда организовать подкрепление и оборону. Но дорога была отрезана сотней казаков, которые, спешили и начали обстрел. К счастью у нас оказалось два «Люйса» и 20 лент. Вступив с ними в перестрелку, мы уже почти пробившись из окружения, но у автомобиля пулей пробило колесо, машина стала, надо было ее бросить или чинить. Шкуровцы переходили в рукопашную и уже слышались их победные крики; полк отступал в центр села. Пока шофер менял колесо, мы отстреливались, но чувствовали себя так, как будто стояли на зыбком склоне, на краю пропасти. Исправив машину, мы быстро поехали на рассыпавшуюся цепь, обстреливая ее из пулеметов. Казаки разбежались. Поймав одного казака, усадили к себе и поехали за подмогой в Гуляйполе.

— Сам Шкуро здесь, — сказал пленный кубанец.

Выяснилось следующее. Шкуро на днях получил распоряжение от ставки сделать рейд в наш тыл и склонить Махно на свою сторону. Затем он должен был соединиться с Григорьевым и вместе с ним ударить по центральным пунктам красного тыла, внося в ряды Красной Армии дезорганизацию и панику. В Гришине Шкуро оставил одну бригаду, а со всеми остальными спустился в наш тыл, чтобы найти общий язык с Махно. Но, встретив с нашей стороны сопротивление, Шкуро объявил нам террор. Таким образом, карта была раскрыта. Надо было спешить организовать боевую часть, силой не меньше шкуровского корпуса, способную к маневренности, и бросить ее не в качестве стационарной завесы, а в качестве неотступного преследования. Но чем вооружить этих людей, которые толпятся у штабов: десятки тысяч добровольцев, готовых на все!?

Мы были в Гуляйполе, где штаб дивизии вооружал последним запасом винтовок новый батальон, когда Шкуро в селе Святодуховке заканчивал рубку сводного Гуляйпольского полка во главе с Веретельниковым. В Гуляйполе дорога шкуровцам практически была открыта и, если бы они хотели его занять, безусловно, они бы это сделали.

В секретной политсводке о состоянии 2-й Украинской Армии от 23 мая 1919 года сообщалось:

«1-я Повстанческая дивизия Махно.

9 полк. Настроение бодрое, полк боеспособен. Политическая работа тормозится агитацией левых эсеров и анархистов, которые распространяют свою литературу. Коммунистической литературы нет. Заметно антисемитское и анархическое течение... Культурно-просветительская работа не ведется ввиду отсутствия опытных работников и литературы.

С изданием Махно приказа против Григорьева красноармейцы к Григорьеву относятся отрицательно. Тем не менее, благодаря сильно развитому антисемитизму и пропаганде анархистов против Чека красноармейцы сочувствуют движению Григорьева в смысле уничтожения евреев и чрезвычайных комиссий. Среди красноармейцев встречаются как агенты Григорьева, так и красноармейцы, ведущие агитацию в пользу григорьевцев, борьба с которыми затрудняется сочувственным отношением красноармейцев к лозунгам Григорьева.

Самосознание масс стоит низко, в политических течениях красноармейцы разбираются слабо. Массы, высказывая взгляды левых эсеров, определенно тянутся к махновщине.

Борясь за советы и Советскую власть, красноармейцы не признают коммунистов, относятся к ним враждебно, и равно как и к коммуне. Отсутствие достаточно сильных ораторов и опытных организаторов, а также усиленная агитация левых эсеров и анархистов, создают то неопределенное течение, которое называется Махновщиной. Главным затруднением в политической работе является сильный антисемитизм и озлобление против Чека, и пока не будут уничтожены предубеждения масс, невозможно вести ее политическое воспитание. Это в равной степени касается как красноармейцев, так и крестьянства.

Политотделом армии в дивизию Махно послан агитпоезд с подвижной типографией, где будут издаваться газета и воззвание.

При агитпоезде временно находится большой оркестр из матросов.

Врио. Нач. Политотдела 2-й Украинской Армии А. Марков»[489].

В этот же день оперсводка штаба 2-й Укр. Армии за № 267 сообщала:

«Таганрогское направление. Противник, продолжая развивать успех, занял дер. Андреевка, что в 25 верстах к югу от ст. Удачное. Части бригады Махно ввиду обхода левого фланга отошли на подготовленный заранее рубеж: Ялта, ст. Никопольская, М. Янисоль, Златоустовское и Зачатьевское с целью активного сосредоточения. Для парирования

прорыва противника в направлении Удачное приняты меры»[490].

На следующий день в оперсводке № 268 говорилось:

«Таганрогское направление. Наши части с целью выравнивания фронта отходят в полном порядке на указанные ранее рубежи, имея перед фронтом кавалерийские разъезды противника. Мариуполь занят нашими разъездами, противник в город не вступает...»[491].

Тогда же, 24 мая 1919 года командюж Гиттис сообщал в полевой штаб Республики:

«...Выдержав многодневный натиск превосходных сил противника, широко применившего танки и бронепоезда, после ряда контратак части 13 армии вынуждены отходить на фронте, за исключением левого фланга, а одновременный безнаказанный глубокий обход правого фланга и тыла ставит 13 армию в тяжелое положение. В районе Гришино противник сосредоточил до дивизии конницы с артиллерией и, стремясь использовать прорыв и развить успех, угрожает движением в направлении Славянка. Присланный из Харькова в район Авдеевки для поддержания один батальон Заднепровского полка взбунтовался и, самовольно захватив подвижной состав, уехал на ст. Ясиноватую. Пришлось при отсутствии резервов и истощении боевых сил принимать меры для ликвидации.

Прошу понудить Укрфронт экстренно выполнить приказ Главкома о безотлагательной переброске боееспособной бригады с артдивизионом и конницей, ибо операция Махно в смысле энергичного контрнаступления, за отдаленностью его и величиной образованного им разрыва, повлиять на улучшение положения не может, не говоря о сомнительности надежды на исполнение им приказа о наступлении»[492].

Таким образом, на нас возлагали надежды, что мы организуем энергичное контрнаступление и поправим положение фронта.

Мы сами понимали ситуацию и старались из последних сил. Но сил, особенно боеприпасов, было очень мало — почти не было.

В Гуляйполе вечером 23-го мая было совместное заседание местной группы «Набат» и «Гуляйпольского союза анархистов», на котором было решено объединиться ввиду того, что «союз» своими задачами и целью отвечал декларации и резолюциям съездов, конференций анархистских организаций «Набат».

На заседании я поднял вопрос относительно прекращения идеологических тренировок, призывая забыть политические счеты с большевиками и целиком отдаться фронту. Но набатовцы меня не слушали.

В Гуляйполе тогда стояли отряды Шубы и Чередняка, ожидавшие приезда секретариата конфедерации «Набат». В это время приехал Марк Мрачный[493], которого попросили позволить этим отрядам выступить на фронт. Он дал согласие, но отряды отказывались повиноваться. Пришлось оцепить и обезоружить их. Потом они упросили вернуть оружие, соглашаясь выступить на фронт.

Рано утром я поехал с ними на Волноваху. Проезжая станции Новоясиновку–Зачатьевку со стороны с. Каракуба, услышал грохот орудий и ружейно-пулеметную стрельбу.

Шкуро наступал, а наша северная завеса Паталахи отступала, потеряв до 700 человек зарубленными. Благодаря бронепоезду «Спартак» и отрядам Шубы и Чередняка, мы удержали станцию и отбили атаки шкуровцев, которые, потеряв до 600–700 человек, повернули на северо-восток.

Таким образом, тыловой удар Шкуро мы выдержали. Прогулка в нашем тылу стоила ему больших потерь, старание деморализовать тыл и внести панику в боевые части ни к чему не привели, и он из нашего тыла к вечеру 25-го мая ушел в район Юзово.

Мобилизация, объявленная на Григорьева, сулила фронту подкрепление, которое должно подоспеть на помощь и к нам. Наши военные тоже будили тыл. «Путь к Свободе» писала:

«О добровольной мобилизации. Всем. Всем. Всем.

Третий Районный Гуляйпольский Съезд рабочих, крестьян и повстанцев, принимал во внимание тревожное положение, в котором в настоящее время находится революционная Украина, постановив объявить Добровольную Уравнительную Мобилизацию за 10 лет во исполнение чего Исполнительный Комитет Военно-Революционного Совета Гуляйпольского района сделал соответствующее распоряжение. Некоторым лицам и группам лиц добровольная мобилизация понятна в том смысле, что мобилизации подлежат лишь те, которые добровольно пожелают идти в повстанческую армию, кто же по тем или иным причинам пожелает остаться дома, мобилизации не подлежит. Так понимают добровольную мобилизацию некоторые лица. Но такое понимание не верно. Третий Гуляйпольский Съезд крестьян, рабочих и повстанцев, учтя, во-первых, усталость повстанческих войск, непрерывно борющихся на передовых позициях, а, во-вторых, серьезное положение страны, угрозой внутренней и внешней контрреволюции, решил сам добровольно произвести мобилизацию в своих рядах для смены борющихся на передовых линиях первых повстанцев и для организации новых сил против надвигающейся контрреволюции. Добровольной мобилизация называется потому, что сами крестьяне, рабочие и повстанцы решили мобилизовать себя, не дожидаясь, когда власть из центра пришлет свое распоряжение о мобилизации. Но такой добровольной мобилизации подлежат в то же время все лица, входящие в объявленные десять лет. Таким образом, согласно постановления третьего рабоче-крестьянского и повстанческого съезда Гуляйпольского района все лица, родившиеся от 1889 до 1898 года, обязаны явиться у себя на местах на мобилизацию, составить взводы, роты, батальоны и полки, выбрать из своей среды соответствующих руководителей: взводных, ротных, батальонных, полковых командиров, и явиться в соответствующие сборные пункты по указанию Военно-Революционного Совета.

И. д. Начальника Штаба дивизии Б. Веретельников»[494].

Но практической помощи не было видно и надо было надеяться только на свои собственные силы, стоящие на линии фронта и в ближайшем тылу.

На 25 мая положение фронта было следующее: Деникин занял ст. Великокняжескую и вел упорные бои по р. Саль в 20 верстах юго-восточнее Атаманского. У станции Каменской он прорвался и, перейдя Северный Донец, развивал наступление в сторону Миллерово. Упорные атаки по линии в 20 верстах восточнее Дебальцево и 10 верст южнее Луганска.

На фронте 13-й армии противник, поддержанный тремя танками, выбил 1-й Советский полк из ст. Криничной. В результате этого образовался разрыв между 42-й и 9-й стрелковыми дивизиями[495]. Конница белых вошла в прорыв, расчленив 13-ю армию. Разрозненные ее части начали отступление.

К вечеру 25-го мая 2-я бригада махновцев заняла Ново-Троицкое, В. Анадоль (где 10 полк обезоружил 150 шкуровцев и взял 3 пулемета), Стыло, Игнатьевку и Карань.

Разрыв, допущенный нами с 13-й армией на 25 мая, был не в 75 верст, как утверждал Командюж, а в 12 — от позиции севернее Велико-Анадоль и на северо-восток до Еленовки, которая была нашим крайним левым флангом, согласно разграничительной линии от 19 мая[496] и подтверждалась 22 мая 1919 года[497]. Остальные километры разрыва были на совести 13-й армии.

В результате отхода войск 13-й армии махновский район оказался во вражеском полукольце, и Деникин в любое время мог повести наступление против повстанческих войск с трех сторон. С юга — десантом с моря; с севера — из района Гришине и с востока — по линии фронта.

Наше положение могло быть облегчено лишь при условии активных действий 13-й армии, присылкой нам из 13-й армии свежих воинских частей и боеприпасов, и поголовного вооружения всех добровольцев района. Мы вели наступательные бои, надеясь на помощь.

Инспектор инструкторского подотдела Серебряков, прибывший из Мариуполя, в своем докладе Народному Комиссару внутренних дел сообщал, дополняя картину происходившего:

«...В Александровске уже имел сведения, что в Мариуполе царство анархии, все едущие из центра подвергаются арестам и расстрелам, как организаторов и сотрудников Чрезвычайкомов расстреливали. На Волновахе все ехавшие подверглись осмотру Махновской полевой контрразведкой и я, показав удостоверение 2-го Советского Таращанского полка и членскую книгу союза металлистов, был пропущен, несколько человек было арестовано, но кто они и за что, выяснить не представилось возможным. Кроме того, в разговоре с этой контрразведкой, я выразил желание попасть в один из отрядов батьки Махно и выразил желание видеть лично батьку Махно, на что получил указание обратиться в Мариуполь к тов. Куриленко, с добавлением площадной ругани, говорил: “Мы с батькой Махно всю эту советскую сволочь с жидами уничтожим”. Приехав 6-го в Мариуполь, я увидел совершенно замерший город.

Прибыв в Ревком, я увидел, что действительно Ревком представляет игрушку в руках батьки Махно с руководителями отрядов и штабов партизан, начальника штаба бригады Озерова, начальника гарнизона Куриленко и их приспешников Черняка, Черныша и других...

Работа как будто стала первые дни налаживаться, состав исполкома был превосходный, так как за исключением нескольких человек, это были старые работники, вернувшиеся из Великодержавии. Состав всего Совета по примерному количеству населения в 70 000 человек должен был быть 70 человек, но ввиду того, что в 2-х союзах неорганизованного пролетариата не были закончены выборы, а потому состав Совета был следующий: 60 коммунистов (из которых способных к созидательной работе 30-40 человек), 2 меньшевика, 6 беспартийных...

Анархисты и левые социалисты-революционеры, опираясь на вооруженные силы партизанских отрядов, творят грабежи и препятствуют работе и, кроме того, у левых социалистов-революционеров хорошая организация и в уезде они пользуются покровительством Гуляйпольской организации анархистов, во главе которой стоит батько Махно, распространяют массу газет бесплатно и на мое указание тов. Кириллову, коменданту города, что это недопустимо, он мне ответил, что эта газета издается в Гуляйполе (№ 1 "Знамя Октября" — прилагаю).

Как анархисты, так и социалисты-революционеры имеют свои клубы...

Выводя заключение из всего вышеизложенного при наличии большого количества рабочих, а также крестьян, которые терроризированы Махновскими партизанскими отрядами, власть рабочих и крестьян может утвердиться только при полном разоружении партизанских отрядов Махно и весь командный состав считать вне закона, заменить его красными командирами, так как махновские командиры являются контрреволюционерами и если им дать возможность работать дальше, то не дальше, как через 2 месяца это движение примет характер почище Григорьевской авантюры, так как при отступлении из Мариуполя пришлось видеть махновских ребят уже в Киеве.

Я полагаю, что комиссариат уже посвящен в действия махновцев, так как 6-7 мая были делегированы тт. Готков и Македон с докладом и, кроме того, я добавляю достаточно таких фактов непризнания центра...»[498].

В своем докладе агент-информатор ЧК Чернявский И. Л. доподнял картину:

«По словам партийных деятелей в Екатеринославе вступление Григорьева застало местные власти врасплох.

Штаб 2-й армии поспешно эвакуировался, несмотря на просьбу губисполкома, отложить эвакуацию. Эта поспешная эвакуация на виду всего населения отрицательным образом отразилась на боеспособности гарнизона. Полки один за другим начали переходить на сторону Григорьева. По улицам можно было видеть группы красноармейцев без красноармейских эмблем, объявлявших себя то григорьевцами, то махновцами.

Необходимо отметить, что дисциплина и агитационно-просветительская деятельность в Екатеринославском гарнизоне стояла не на должной высоте...

Среди рабочих Екатеринослава заметна апатия и полный индифферентизм к происходящим вокруг них событиям. Выступление Григорьева и успехи Деникина не вызвали никакого

подъема среди рабочих масс. Сами рабочие в беседе со мной объяснили свою апатию безработицей и хроническим голоданием в продолжение нескольких месяцев. Чувствуется в их речах — разочарование в большевиках, как виновниках этой разрухи, или правильнее — разочарование в Революции.

На мои указания на действительных виновников этой разрухи как Деникина, Колчака, а также и что для победы над ними необходимо напрячь все свои силы и временно терпеть голод, они меня спросили, почему терпеть должны массы в то время, когда верхи недурно устроились материально на разных советских должностях и даже швыряют деньгами...

Вновь на митингах рабочие начали охотно слушать соц. демократов, критикующих большевиков. Соц. демократы выдвинули старый лозунг “Да здравствует учредительное собрание”. В Елисаветградском органе меньшевиков: “Наша жизнь” от 27-го мая передовая статья “Похмелье” заканчивается следующими строками:

“Приходится употреблять все усилия, чтобы сохранить и конституционно закрепить все основные завоевания революции, а для этого есть одна возможность: Учредительное собрание всероссийское и учредительные собрания краевые”. Даже среди старых работников коммунистов в провинции заметна усталость и переутомление непрерывной работой в течение нескольких лет — все одним и тем же лицам приходится вынести всю тяжесть работы на своих плечах, нет свежих сил, которые могли бы с ними разделить эту огромную работу...

База Григорьева — Дмитровка, Иванковцы и Глинская. По данным разведки он имеет 12 орудий и до 40 пулеметов. Количество живой силы не выяснено. По словам члена Александрийск. Исполкома Лескова в Уезде появились прокламации Григорьева к своим солдатам с призывом сохранить оружие и пока скрываться в лесах...»[499]

Мы же видели в Григорьеве авантюриста и контрреволюционера, открывающего фронт Деникину и протестовали против него оружием, послав войска и бронепоезд на подавление, устно и в печати.

Газета «Известия» № 50 от 25 мая писала: «Анархисты и Григорьевщина. Екатеринослав 22 мая. На конференции в Гуляйполе решено признать выступление Григорьева авантюрой.

Все идейные анархисты оказывают активную поддержку Советской власти, выступив против Григорьева»[500].

И тогда же, 18 мая, командарм 2 Скачко телеграфировал Каменеву: «...В Мариуполе погрузка угля для Центра остановилась благодаря отсутствию денег у эвакуационной комиссии. Уголь расхищается. Требуется энергичное распоряжение о немедленной доставке уполномоченному округа путей сообщения Бакаю, находящемуся в Мариуполе, двухсот тысяч рублей...»[501].

Но, договорившись с Куриленко, мы все же грузили и отправляли большими составами уголь из Мариуполя на север через Волноваху-Рутченково-Гришине до тех пор, пока железная дорога была в наших руках.

Особая роль в «наведении порядка» на Украине отводилась ЧК и присланному из Москвы на должность председателя ВУЧК М. И. Лацису — Судрабс Я. Ф. (1888–1937).

Это тот Лацис-Судрабс, который в своем журнале ЧК восточного фронта «Красный террор», проповедуя безмотивное уничтожение, открыто высказал следующие мысли:

«...Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Советов оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова у него профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого...»[502].

Это тот Лацис, который в своей книге писал: «... Они забывают, что гражданская война, — война не на жизнь, а на смерть, война, в которой пленных не берут и соглашений не устраивают, а противника добивают...»[503].

И в числе первых своих декретов ступивший на землю Украины Лацис объявил в газете «Красный террор»:

«В связи с авантюрой атамана Григорьева Совет обороны объявил красный террор по отношению к левым социалистам-революционерам-активистам и “незалежникам”-активистам.»[504]

Это решение продиктовано после целого ряда недвусмысленных действий последних против Советской власти и вовсе не носит характер неожиданности.

Еще задолго до опубликования этого акта Украинским Советским правительством собрать наших активистов в РСФСР были объявлены вне терпимости и изымались из обращения.

Наши активисты, оставленные в покое, ничему не научились от прошлого и продолжали свою разлагающую работу дальше.

Никто не поверил их божбе о лояльности и нейтралитете. В момент решающего боя в гражданской войне подобное положение не может быть терпимо. Кто не с нами, тот против нас. Преступление стоять в стороне и глазеть, когда тяжелая рука международного капитала дробит твердыни пролетариата.

Да и нет такой стороны, такого захолустья. Как два жернова, обе борющиеся стороны уничтожают все прослойки.

Не удивительно, что наши “активисты”, отвергнувшие Советскую власть, должны были примкнуть к Григорьеву. Наши екатеринославские “незалежники” были только более последовательны и прямодушны, приехав с поклоном в ставку Григорьева.

Но этим самым они себя открыто поставили по ту сторону баррикад. И не Совет обороны, а они сами первые себя поставили под удар пролетариата, под действие красного террора.

Как же быть с ними дальше?

Это определили они сами.

На действие нашего врага мы должны ответить встречными действиями.

Нас грабят, нас избивают, нас убивают, нас насилуют.

Нам что же — молчать?

Нет, мы ударим по врагу, но откажемся от варварских действий, применяемых ими. Больше того. Мы должны предупредить смерть и муки наших товарищей. Поэтому мы должны расстреливать на месте каждого поднявшего и собирающегося поднять против нас оружие»

Григорьевщина обострила отношение солдатской массы фронта и тыла с работниками государственного аппарата Украины. Происходила «переоценка ценностей». Некоторые воинские части отказывались воевать с григорьевцами, или вообще переходили на их сторону.

Так: «1 эскадрон и 1 батальон из состава 5-й дивизии (Пешехонова) и команда бронепоезда “Черноморец” перешли открыто на сторону Григорьева. Все остальные фронтовые части устояли. Значительно хуже с тыловыми формированиями: во многих случаях они оказывались нестойкими и в борьбе с бандитизмом и изменяли Советской власти. (Кременчуг, Черкассы, Николаев, морские части Одессы, Черноморский полк в Екатеринославе, некоторые части в Подольской губернии)... тарашанцы (2-й полк) поколебались, благодаря провокации, жертвой которой едва не сделался их “батько”. И боевой 6-й... начал явно разлагаться — в середине апреля его части устроили погром в окрестностях Белой Церкви.

Под влиянием красноармейцев 3-го батальона Осинского в 8-м полку стало развиваться анархическое и антисемитское настроение...

Некоторое разложение наблюдается даже в частях и органах ЧК. 14 мая нами арестован и расстрелян председатель ЧК в Фастове.

15 мая в Белой Церкви нами же арестована часть сотрудников ЧК, остальные разбежались...»[505].

Этот перечень можно было бы весьма продолжить.

В. П. Затонский в мемуарах писал:

«... По существу, любой наш полк в то время мог поднять против нас восстание и подчас не всегда было понятно, почему та или иная часть борется на нашей стороне, а не против нас? Так, например, Махно оказал, безусловно, нам поддержку в борьбе против Григорьева (нет ничего невероятного, что Григорьев поддержал бы нас против Махно, если бы тот выступил раньше)»[506].

Комиссар 2-й армии, прикомандированный к штабу П. Дыбенко, т. Вишневецкий, докладывал:

«Для окончательной ликвидации восстания Григорьева, Зеленого, Казакова и пр. необходимо, кроме посылки воинских частей, принятие других мер, которые устранили бы причины восстаний:

а) развитие политической работы среди населения, так как оно несомненно сочувственно в большинстве относится к восстающим. Рабочие Елизаветграда встречали наши войска с оружием в руках. Крестьяне обеспечивали Григорьева продовольствием и добровольно приносили ему тысячи пудов хлеба. Желавших вступить в ряды войска Григорьева было столько, что у него не хватало оружия. Деревни встречали наши отряды ружейным и пулеметным огнем;

б) несомненное сочувствие населения Григорьеву (по крайней мере на той территории, которая временно принадлежала ему) свидетельствует о том, что выдвинутые им в “Универсале” лозунги, несмотря на политическую неграмотность, находили отклик у населения, вернее у крестьян-середняков и рабочих, имеющих собственность, каковыми является большинство населения этого района.

Главный лозунг Григорьева — долой ЧК — встречает отклик и сочувствие у мелкой буржуазии всей территории Украины.

Красная Армия, тоже состоящая в большинстве из середняков, определенно присоединяется к этому лозунгу. Случаи разгона ЧК на фронте, как всем известно, бывают очень часты...»[507].

О здравом смысле жестокости писал в газете и коммунист Санович:

«Теперь мы можем, мы должны подвести некоторые итоги тех сторон советского строительства в организационном отношении, которые выявились в процессе борьбы с григорьевщиной. Наши комиссии далеки от совершенства и идеала. Много в них есть ненужного, лишнего, вредного и бесполезного. Некоторые методы работы чрезвычайных комиссий не выдерживают критики с точки зрения революционного правосознания и социализма.

Их компетенция почти всеобъемлюща. Их права необычайно широки, чуть ли не до бесконечности.

Для чего существуют у нас революционные трибуналы как военные, так и гражданские? Ясное дело: для того, чтобы судить граждан республики, совершивших определенные преступления. Почему же тогда чрезвычайки имеют право внесудебной расправы?

Мы понимаем — во время осадного положения, в момент чрезвычайного положения, еще допустимо установление меры наказания без суда. Но в обыкновенных условиях это совершенно излишне, а тем более вредно для дела революционного правосудия.

Комиссии нужно реорганизовать, превратить в подсобные органы ревтрибуналов, отняв у них возможность внесудебной расправы.

Наконец съездам еще придется обсуждать нашу аграрно-крестьянскую политику.

Речь идет о живой практической работе, об отдельных конкретных мероприятиях, о внесении в деревню мощной революционной психики, здоровой социалистической струи. Как это сделать, как организовать деревню, как лучше спаять крестьян с рабочими, — вот о чем нужно толковать и подумать.

И. Санович»[508].

Начальник Особого отдела Укрфронта т. Апетер докладывал:

«После разгромов некоторых отрядов григорьевцев почти все главари и примкнувшие к ним офицеры из одесских и иных “добровольческих” отрядов разбежались по Украине и живут по документам, сфабрикованным ими на настоящих бланках и с настоящими печатями своих советских полковых, дивизионных и т. д. штабов и управлений. Кроме того, огромная масса бунтовавших солдат с оружием и без него разбежались по деревням и лесам.

В последнее время замечен усиленный поток разного рода беглецов на юго-восток Украины. Усиленно на юге Киевской, Полтавской и Екатеринославской губерний говорят о новом восстании Махно, к которому и бегут григорьевцы. Карательные отряды Советской власти иногда действуют немного поспешно и довольно сурово по отношению к крестьянам, главным образом, за укрытие у себя “григорьевцев”, которых, тоже грозящих и вооруженных, они не могли не принять. Они, крестьяне, между молотом и наковальней. Народ страдает и обезумел от отчаяния и озлобления. Этим пользуются враги и, учитывая довольно значительное участие евреев в делах местной власти, ведут антиеврейскую и попутно антисоветскую агитацию.

Григорьевский бунт не совсем подавлен, а рассосался по всему телу Украины, “загнанный внутрь”, ибо десятки тысяч (?) разбежавшихся, спрятавшихся, сдавшихся и вновь присоединившихся к советским войскам “григорьевцев”, крестьяне, жестоко наказанные, и все они, имеющие руководителей тех же своих начальников, которые теперь скрываются и снова обещают им ставший уже привычным разгул и разбой и, кроме того, теперь еще и месть, дадут обильный материал для появления множества мелких и более крупных банд»[509].

Появившийся к 20 мая в Харькове Троцкий, опираясь на свое окружение и «спецов», решил еще более усугубить положение противоденикинского фронта, объявив крестовый поход против «партизанства» в армии вообще и против нашей Первой Украинской повстанческой дивизии им. батьки Махно в частности.

Его сердцу люб был авторитарный принцип дисциплинированной армии. При иной схеме он не мог чувствовать себя в безопасности. И ринулся в бой Лев Троцкий с компанией чрезвычайно энергично и настойчиво, используя для разгрома «противника» (партизанства и повстанчества) все свои способности и весь свой арсенал.

И вновь в прессе хлынул поток охаивания и оскорбления повстанчества.

Партизанские и повстанческие части, естественно, имели определенную самостоятельность и выборную систему, обеспечивающую массу своих командиров-вожачков, которые, отражая волю подчиненных, не всегда были согласны с поступающими командами сверху.

Не мог мириться Троцкий с тем, что авторитет и слава командиров, выходцев из народа, невероятно росла, что проявляли они временами излишнюю самостоятельность.

Терпеливо вынашивал Троцкий мечту избавиться от таких. Они мешали ему полностью опереться на военную силу, понимаемую им как силу бездушных оловянных солдатиков. Они мешали ему в достижении своих авантюрно-корыстных, далеко идущих замыслов...

В основу новой антимахновской кампании Троцким было положено преступно извращенное толкование событий, происходящих на Донецком участке Южного фронта и особенно на участке Мариуполь-Еленовка, занимаемого повстанческой дивизией им. б. Махно.

Нас авансом, притом уверенным тоном, обвиняли во всех грехах, но мы уже догадывались, к чему клонит Троцкий. Догадывались, что автором подобных утверждений движут мотивы дальней политики, мотивы готовящейся расправы Троцкого с оказавшим сопротивление украинским народом, мотивы желаний пропустить его еще раз через мясорубку гражданской войны. И были уверены, что спекуляции на эту тему в нашей среде абсурдны.

В результате политики, проводимой троцкистами, власть коммунистов-государственников на Украине перестала быть привлекательной.

Фронт разваливался, дезертирство приняло массовый характер и еще в апреле 1919 года достигло в армиях 100 тыс. бойцов[510], не желающих воевать за новую власть.

Особенно велико было дезертирство на Украине в мае месяце 1919 г. Это был ответ Украины на политику троцкистов, и они лихорадочно искали пути для реванша.

Троцкий, находящийся в это время на Украине, так активно охаивал вся и все, в том числе и «партизанство», что в полемику включились и возмущенные его деятельностью коммунисты.

Так, на статью Троцкого «Украинские уроки» в газете выступил член ЦК партии А. С. Бубнов.

Он писал в своей статье «О каких уроках идет речь?»:

«При чтении статьи тов. Троцкого “Украинские уроки” этот вопрос встает ежеминутно. В статье резко и интересно поставлен вопрос о партизанстве, статья полна общих рассуждений на эту тему, статья пересыпана массой политических замечаний, но каждая строчка рождает вопросы, — о каких уроках идет речь, с кем это так энергично воюет тов. Троцкий...

А воюет он чрезвычайно энергично и настойчиво, пожалуй, каждая буква его статьи заострена полемически и, когда вы всю эту полемику соберете воедино, то невольно начинает казаться, что тов. Троцкий сражается с несуществующим неприятелем, даром тратит блеск своего остроумия...

Армия наша плохо, не регулярно снабжается, сплошь да рядом она добывает все нужное для боевого дела своими собственными руками. Это одна из главных причин того, что период партизанства затянулся, что элементы партизанщины в армии еще так живучи. Корни же этого лежат в общей неорганизованности тыла, особенно тыла военного. На Украине процесс советского строительства встречается с колоссальными внутренними преградами, — вот тут-то и надо искать основные условия, мешающие быстрому налаживанию правильного снабжения Красной Армии и поддерживающие элементы партизанства в нашей Советской украинской армии.»

Но ведь это самая общая причина. Надо двигаться к производному явлению.

«Партизанство прогрессивно, — говорит тов. Троцкий, — в период происходящей гражданской войны, когда оно одухотворено идеей разрушения ненавистного классового государства. Но с момента перехода в руки рабочих, и партизанство “становится безыдейным и реакционным”.

И даже в военном отношении партизанские отряды состоятельны лишь при наличии 3-х условий, — “бурного подъема трудящихся масс”, “полной паники и разложения правящих классов” и “недостаточной дифференцированности среды”.

“Партизанские отряды победоносны, когда с ними победоносная стихия”, — читаем в статье.

Возьмем последнее положение. Если оно верно, а оно несомненно верно, то из него можно сделать вывод, что если наша весьма еще партизанская армия с такой стремительностью гонит перед собою империалистско-кулацкие войска всех мастей и наименований, то это значит, “что за нею стоит мощная революционная стихия”. А если налицо имеется “бурный подъем трудящихся масс” и достаточно слабое разложение правящих классов, то, согласно утверждению тов. Троцкого, партизанские войска в военном отношении должны быть признаны “состоятельными...”»[511].

Но были еще причины для беспокойства троцкистов:

«Благодаря территориальному признаку формирования и расположения, когда войска состояли из земляков одной волости, уезда, губернии, сражались только на своей территории, были тесно связаны со своей семьей, естественно, настроение деревни быстро передавалось в армию. Поэтому армия была ненадежна. В войсках бывали случаи выступлений против ЧК, коммунистов и евреев. Митингование, отказ идти на тот или иной участок фронта, нежелание идти “против своих”, то есть подавлять выступления, — вот те язвы, которые надо было изжить в армии...»[512].

Положение на фронте ухудшалось. Было очень трудно. Мы воевали. Бойцы и командиры проявляли массовый героизм, обливаясь кровью, устилая забурьяненные склоны балок и безмянных речушек своими трупами, а в это время кабинетный интриган, не подвергающийся опасности, напустив на себя показной гнев, строил нам козни, организовывал провокации, разваливал фронт.

Реввоенсовет 2-й Украинской армии на это отреагировал следующей телеграммой:

«Козлов Командюж Гиттис только Антонову Члену Реввоенсовета Сокольникову (по прямому проводу) копия телеграммы; Киев Антонову и Харьков Межлауку.

“22-го мая 15 часов Предреввоенсовет Республики Троцкий говорил из штаба 13 армии по прямому проводу с Реввоенсоветом 2 Укрармии и сказал, что Командарм 2 и Реввоенсовет должны в короткий срок произвести радикальный перелом в строении и поведении войск Махно, истребовав для этого из Козлова необходимое число политработников и командного состава. В случае, если в 2-х недельный срок окажется невозможным произвести этот перелом, то Реввоенсовет 2 армии должен войти с рапортом об открытом сопротивлении Махно.

Решающего доклада о достигнутых результатах жду не позже 6-го июня”.

Вместе с тем тов. Троцкий выразил свое удивление по поводу того, что бригада Махно находится в процессе переформирования в дивизию и сказал, что “Развертывать непокорную, недисциплинированную бригаду в дивизию под тем же командованием есть либо предательство, либо сумасшествие, во всяком случае подготовка новой григорьевщины.”

В связи с этим разговором доношу Реввоенсовету Южфронта, что вопрос о переформировании бригады Махно в дивизию был возбужден еще до перехода второй армии в Южфронт, причем командование Укрфронтом отнеслось к этому переформированию положительно. Затем после посещения бригады Махно Наркомвоен Украины Межлауком и чрезвычайуполномоченным Совобороны Каменевым этот вопрос вновь был поднят и Наркомвоен Украины Межлаук телеграфировал 9 мая в Штаб второй армии: “Против переформирования бригады Махно в дивизию препятствий не имею.”

Отвлеченный Григорьевскими событиями штаб 2-й армии не предпринял никаких мер в этом направлении. 18-го мая был получен приказ № 40 по 3-ей бригаде 1-й Заднепровской Украинской советской дивизии от 16-го мая по строевой части. Приказ этот гласил:

“Согласно постановления военного совета бригады от 4 и 9 мая 1919 года 3-я бригада 1-й Заднепровской дивизии с 1-го мая 1919 года разворачивается в дивизию, которая именуется “первая украинская повстанческая дивизия” и подчиняется 2-й Украинской армии, на командные и административные должности дивизии избраны следующие лица: Начальником дивизии Махно, начальником штаба Яков Озеров, помощником начальника штаба Веретельников и Горев.”

Далее в приказе следовало изложение организации дивизии, построенной согласно приказа № 220. Таким образом, штаб 2-й армии оказался перед фактом переформирования бригады в дивизию, хотя и одобренного Наркомвоен Украины, но произведенного приказом не сверху, а снизу, причем, издав этот приказ, начальник штаба дивизии Махно телеграфно просил штаб армии об ее утверждении.

Об этом факте было донесено 21-го числа Южфронту почтой, но ввиду неполучения ответа и ввиду полученного 22-го мая приказа тов. Троцкого о взятии твердой определенной политики по отношению к бригаде Махно, Реввоенсовет второй армии считает необходимым сообщить об этом Реввоенсовету Южфронта по прямому проводу и просит немедленного ответа, как поступать: признать ли совершившийся факт переформирования бригады Махно в дивизию и утвердить его приказом по армии и считать впредь Махно самостоятельной дивизией или же не признать и издать приказ, которым это переформирование отменяется и бригада Махно продолжает считаться только 3-й бригадой 7-й дивизии (между прочим единственной бригадой 7-й дивизии, ибо 2-х других бригад 7-й дивизии не существует).

Реввоенсовет 2-й армии, несмотря на категорическое приказание т. Троцким недопустимости такого переформирования, стоит на точке зрения необходимости его признания по следующим основаниям:

Реввоенсовет 2-й армии отлично знает, что бригада Махно представляет из себя крестьянскую массу, пропитанную мелкобуржуазными, лево-эсеровскими, анархическими тенденциями, совершенно противоположными Государственному коммунизму, в таком же противоположном коммунизму направлении ведут махновские войска их вожди и потому столкновение между махновщиной и коммунизмом рано или поздно неизбежно. Это учитывалось командованием второй армией уже давно и еще при образовании бригады Махно. Командармом 2 были даны ей итальянские винтовки, с тем расчетом, чтобы в случае надобности имелась возможность оставить их без патронов. Но Реввоенсовет 2-й армии убежден, что до тех пор, пока общий враг, хотя и мелкобуржуазного, но безусловно, революционного крестьянства и коммунизма — монархическая реакция, не будет окончательно побеждена, пока добровольческо-казачьи войска не будут оттеснены за Кубань, вожди махновщины не пойдут и не будут иметь возможности идти против Советской власти с оружием в руках, а потому до тех пор мы можем использовать войска Махно в борьбе с добровольческими, в то же время внутренней работой в них постепенно обращая их в более регулярные и более пропитанные духом коммунизма.

В этом отношении переформирование бригады Махно в дивизию может быть благоприятным для внутренней работы в ней ибо дает повод прислать большое количество своих политических работников и лиц командного состава и сделать вновь образуемые штабы бригады очагами своего влияния. Без образования дивизии проникновение наших работников более затруднено ибо должности в существующем штабе бригады уже заняты местными людьми.

В смысле увеличения сил переформирование бригады в дивизию Махно ничего не дает, численный состав войск Махно от этого не увеличивается, при бригаде или при дивизии он остается один и тот же. При бригаде или при дивизии все равно Махно принадлежит весь

Гуляйпольский район со всем его населением. Это население выделяет из себя около двадцати тысяч вооруженных людей, которые составляют бригаду Махно и которые будут составлять и дивизию Махно.

Тов. Троцкий понял обращение бригады в дивизию как развертывание, но это фактически неверно, развертывания не происходит, количество войск не увеличивается, происходит лишь изменение организации благотворно для внедрения в массу войск Махно наших политработников и военспецов и для постепенного изменения настроения этих войск в нашу пользу.

Конечно, такая политика является соглашательской, но при настоящем положении на Украине, при весьма слабо укоренившихся в деревне советских учреждениях и при общем настроении всех украинских войск очень близком настроению махновских, иная политика является почти что невозможной и соглашательскую политику по отношению к Махно вели до сих пор все украинские центры, Наркомвоен и командование Украинского фронта. Резкая перемена политики сейчас, которая первым делом выразится в отмене одобренного Наркомвоенном Межлауком переформированием бригады Махно в дивизию, заставит Махно насторожиться и возможно сократить действия на белом фронте, экономя свои войска и огнестрельные запасы для отпора возможного нападения с нашей стороны.

Сокращение Махно боевых действий на белом фронте, конечно, приведет к увеличению нажима со стороны белых на другие части Южфронта и ухудшит общее положение, фронт начнет требовать более энергичных действий со стороны Махно. Махно начнет не исполнять боевые приказы, и дело очень быстро придет к открытому разрыву между нами и Махно.

Если Южфронт и Реввоенсовет Республики считает, что сейчас наступил момент решительной политики по отношению к Махно, то приказ об отмене самочинного переформирования бригады Махно в дивизию будет первым шагом такой политики, но, начавшись, такая политика приведет к вооруженному столкновению с Махно.

Предвидя же вооруженное столкновение, следует помнить, что вся 2-я Украинская армия только и состоит сейчас из бригады Махно, что украинские части из других армий, все сплошь вышедшие из повстанческих отрядов не пойдут против Махно и что для ликвидации Махно необходимо иметь не менее двух хорошо вооруженных и полных численных русских дивизий.

Если такие реальные силы имеются в запасе Южфронта, то тогда можно начинать решительную политику с Махно, и как первый шаг ее отклонить переформирование бригады в дивизию.

Если же нет, то предъявлять ультиматумы, не поддержанные реальной силой, в случае неподчинения — только окончательно терять свою власть и влияние, и тогда остается утвердить переформирование бригады в дивизию, продолжать вести ту же соглашательскую по отношению к Махно политику, которую вело до сих пор Украинское Правительство и командование Украинским фронтом.

Представляя все вышеизложенное на усмотрение командования Южного фронта и его реввоенсовета, просим экстренного ответа, который бы определил раз навсегда линию политики по отношению к Махно и положил бы конец колебаниям.

23-го мая 1919 года.

Реввоенсовет 2-й Украинской Армии — Скачко и Дуцис»[513]

Тогда же 24 мая нам доставили нашу газету «Путь к Свободе»№2. В ней, кроме прочего, писалось:

«Так было, но так не будет.

“Так было и так будет”, — говорил царский министр Макаров в 1912-м году, когда члены Государственной Думы требовали ответа на расстрел рабочих Ленских приисков.

“Так было и так будет”, — вторил в унисон буржуазии авантюрист Керенский, когда вводил диктатуру над рабочим людом России и когда анархисты и большевики, усматривая в этом новое порабощение народа, боролись против временного правительства и диктатуры буржуазии.

“Так было и так будет”, — вторят в унисон лицемерно залезшим в советские учреждения и партийные организации специалистам, чиновникам, бюрократам и коммунисты-большевики, когда с помощью этих специалистов, хотя и под строгим контролем (как они выражаются), подходят к массе и за счет ее свободы и счастья создают чрезвычайки, властнические комиссариаты и другие институты насилия и обмана, посредством коих стремятся в городе и деревне проводить социальное строительство в жизнь. Спрашивается после этого — где же выход? Когда же придет конец душераздирающему выражению — “Так было и так будет”? Неужели считать все надежды трудящихся на революцию, строящую жизнь свободную, прекрасную, светлую во всем величии человеческого творчества, тщетны. Ведь человек, народ живет не для того, чтобы коснеть в невежестве и рабстве, и он это осознал и стремится к свету, к правде, к свободе. Так зачем же тормозить и ставить преграды ему в этом стремлении. Дайте простор ему в его творчестве и примерный совет в применении его. И народ сам разрушит все гнилое, негодное прошлое, и на развалинах его создаст свободную, равную жизнь для всех. Там и вы новоиспеченные коммунисты-большевики не будете последними, и для вас там найдется уютный уголок общественного строительства, где творчество и плодотворность вашей работы будет покоиться не на штыках и бессознании наймитов, а на воле и благоразумии всех окружающих нас.

Там не будет лишь людей временно и из-за выгоды вошедших в ваши организации и в силу вашей слабости и объективных условий очутившихся у власти, дающей возможность повелевать и управлять трудящимися. И при таком порядке и устройстве общественной жизни вам, товарищи коммунисты, незачем будет входить в роль деспотов и подчинять массы институтам насилия в лице чрезвычайных и властнических комиссаров, покоящихся, как я уже сказал, не на сознании и совести масс, а на штыках и невежестве наймитов, отдельных выходцев из этой массы. И это всем видно и понятно. От этого не могут отказаться и все идеологи большевизма-коммунизма.

Но до тех пор, пока будут сторонники государственности, порабощающей человеческую волю и разум, до тех пор народная жизнь останется уродливой. А ведь нужно сознаться, что рабоче-крестьянские массы это сознали и учитывают, и государственнические пути для нее становятся ненавистными. И когда это видишь перед собой и переживаешь, то ясно становится, что дальше человечеству так жить невозможно. Порабощение его воли и прав недопустимо, недостойно и противно, ибо эту степень рабства человек пережил, а коль это так, то ни в коем случае недопустимо существование институтов вроде чрезвычайек, властных комиссариатов и др. учреждений, на которых зиждется государственность. И, следовательно, недостойно социалистам придерживаться в своем диктаторстве принципов Макаровых, — и выражения “так было и так будет”, а с ним и связанные действия неуместны в наше время: народу нужно, не “так было и так будет”, а “так было, но так не будет”.

Народу нужна свобода и свободное строительство общественной жизни, за это он борется, умирает и умирает.

Батько Махно»[514]

И далее в газете:

«Организация и жизнь 1-й Покровской Свободной Коммуны.

20-го марта 1919 года по инициативе тов. Кирьякова[515] началась организовываться в селе Покровском и его районе свободная коммуна.

Для уяснения свободной коммунистической жизни приходилось тов. Кирьякову и другим разъяснять массам, в широком масштабе, что такое свободная коммуна. Ибо большинство крестьян говорили, что если в коммуне будет комиссар или что-то вроде управляющего, то жить в ней не будут и одного дня. Когда же поняли, что свободная коммуна вовсе не собирается насаждать начальствующих и неработающих лиц, а, наоборот, все члены ее сами будут работниками и управляющими, то в данную коммуны сразу записалось свыше 40 семей. Но приехало вначале 9 семей. Они заняли 2 бывших экономии недалеко друг от друга. Инвентарь как живой, так и мертвый в то время находился в плачевном состоянии: лошади, коровы и свиньи не могли сами подниматься, машины и орудия разбросаны и разбиты, но несмотря на все это, коммунарами был поставлен вопрос ребром: создать коммунистическое хозяйство во что бы то ни стало и приступить к обсеменению полей яровыми посевами. Так и было сделано. Приступили к хозяйственной работе. Когда коммунары приступили к своей свободной работе, то к ним стали присоединяться еще новые и новые члены. По 1-е мая уже имеется членов — 285 чел., считая и детей. Несмотря на то, что разные темные лица, стараясь разложить коммуны, говорят, что в ней идет постоянный спор, коммуна с каждым днем крепнет и крепнет. Работают все по своему призванию. Работа в хозяйстве нигде не стоит; одни работают в поле, другие — в садах и огородах, третьи — в мастерских, четвертые — в мельнице и т. д.

Нет ни одного начальствующего лица, все равны и все работают. А если заявляются такие, которые желали бы только подкормиться от коммуны, но не работать наряду с другими, то

их отсылают подыскать себе таких людей, как и они, то есть людей, которые не работают и не едят. Надо правду сказать, что на первых шагах коммунальной жизни встречаются затруднения, преимущественно на почве недостатка предметов первой необходимости, но все это улаживается, принимая во внимание общую разруху и общий недостаток во всем. Коммуна пока еще бедна в средствах, так как организовали ее беднота и голода.

Питаем общую надежду на урожай, который должен накормить, одеть и обуть всю коммуну.

Коммуной засеяно 125 десятин ярового посева, из них: пшеницы — 9, ячменя — 45, овса — 30, кукурузы — 18, Бахчей — 6, картофеля — 8 десятин.

Предполагается льна 2 десятины, гречихи 2 десятины, озимой пшеницы имеется 100 десятин. Подготавливается черного пара 150 десятин.

Товарищи, желающие ознакомиться с коммуной, просят приезжать: в Покровскую Свободную Коммуну имени Розы Люксембург, Александровского уезда, Екатеринослав. губ. Покровской волости.»[516]

Далее печаталось продолжение ответа Махно на статью Троцкого в газете «Известия» № 97:

«Чего добиваются повстанцы-махновцы.

Безумно храбрым, поем мы славу!

Часть 2-ая.

Товарищи рабочие, крестьяне и повстанцы! Когда мы еще в дни гетманщины и германо-австрийского угнетения подняли знамя восстания за свое освобождение, то мы боролись за полную нашу свободу и радость быть вольными сынами революции, смело и независимо строящими свою жизнь без всякого цыкания не нас какой бы то ни было государственной власти и без экономического порабощения нас этой властью. Мы имели в виду, что все трудовое крестьянство завладеет землей, принадлежащей ему по труду, и на этой земле само, без каких бы то ни было чиновников и комиссаров, устроит свою жизнь. Что в этой трудовой жизни не будет ни хозяев, ни наемников, а все будут равными членами одной трудовой общины, дружно работающими друг на друга и каждый на себя. Что наша трудовая община будет иметь всю полноту власти у самой себя и свою волю, свои хозяйственные и иные планы и соображения, будет проводить через свои органы, которые она сама создает, но которые и не наделяет никакой властью, а только лишь определенными поручениями. Мы имели в виду, что городские фабрично-заводские рабочие также завладеют всеми органами производства — фабриками, заводами, рудниками, всем городским инвентарем, жилищами, магазинами и силою всех этих отвоєванных у буржуазии богатств будут сами строить свою жизнь согласно своим потребностям и своим понятиям правды. Мы считали, что городские рабочие и трудовые крестьяне в революционный момент сами должны заботиться о своих нуждах и друг о друге и что эти заботы должны будут привести к прочной революционной связи рабочего города с крестьянской деревней, что между ними установится товарищеский продуктообмен, при котором крестьянская община будет снабжать союзы городских рабочих всем необходимым продовольствием и сырьем, а

союзы городских рабочих взамен этого будут снабжать крестьян необходимыми в крестьянстве сельскохозяйственными орудиями, материалами, мануфактурой, обувью и всем необходимым для хозяйственного социального организма деревни. Этот товарищеский продуктообмен между рабочими союзами города и крестьянскими общинами деревни сам по себе установил бы и утвердил бы великое задание свободного рабоче-крестьянского хозяйства, которое общими гигантскими силами всех трудящихся привело бы нас в единую свободную Анархическую Коммуну. Цветущую садами, знанием, чувством солидарности и покоящуюся на фундаменте, который гласит “от каждого по его силам — способностям и каждому по его надобностям — потребностям.”

Между тем, взамен такого свободного анархического плана революции мы видим, как освобождающийся от буржуазии народ покрывается многочисленными органами государственной власти, которые прибирают народ к своим цепким властным рукам и навязывают ему свою диктатуру, свой план строительства новой жизни. И хуже всего то, что эти органы власти выдвигаются не самой трудящейся массой, а строятся сверху в чиновничьем порядке из людей по большей части неизвестных и не нужных трудящимся массам. Такими органами являются многочисленные комиссариаты, в том числе и чрезвычайные комиссии, имеющие целью овладеть революционным народом и принудить его жить по программе политической партии. Такими органами являются все те чиновники, которых мы не избирали, ни на что не уполномочивали, но которые, тем не менее, имеют наглость управлять нами и даже притеснять. И ясно, когда политическая группа, задавшаяся несбыточной и противо-революционной целью управлять революционным народом, видит, что этот народ на протяжении целых областей живет все-таки революционно, пытается сам строить свою здоровую и независимую жизнь на товариществе, солидарности, стремясь обойтись без власти — ясно, что эта властвующая политическая группа не может спокойно смотреть на такое явление, что она примет все меры, чтобы принизить это явление, облить его грязью, разложить и подчинить независимые гордые области своей тяжелой властной руке. И вот почему по адресу могучего революционного движения повстанцев раздается со стороны властвующей советской буржуазии такоз змеиное шипение.

Вот почему ложь и клевета сыпятся на голову героического движения повстанцев — махновщины. Вот почему бросается провокация и обман в отношении правдивейшего повстанческого знамени, знамени революционного анархизма.

Что можем мы, повстанцы и революционеры, сказать на все это? Мы должны прежде всего призвать революционный народ к бдительности.

Товарищи крестьяне, рабочие и повстанцы! Держите ухо остро. На пройденном нами и очищенном от буржуазной нечисти пути уже начинает произрастать сорная и вредная трава. Она покрывает все больше и больше пространство освобожденной земли и угрожает не оставить ни одного места, где бы могли расти цветы вольной жизни, протекать чистые, быстрые ручьи революции, звучать смелые могучие слова гордых сынов народа, собираться хоромы жизни, идущей все вперед. Будьте бдительны и зорко следите за своим тылом, как вы слел фронтом. Иначе все ваши героические усилия, все неисчислимы жертвы, приносимые Вами на алтарь революции, пропадут прахом и Вы останетесь при старом

разбитом корыте.

Как же практически должны поступить мы, революционные повстанцы, чтобы наша борьба принесла нам желанные плоды, настоящую свободу и подлинное равенство?

Выступать ли против существующей власти в целях её свержения и установления другой, “лучшей”, как говорят меньшевики и левые эсеры?

Нет и нет! Всякое свержение власти сейчас вызовет к жизни другую власть, не лучшую, а скорее худшую. Но в замене одной власти другой найдет народ свое избавление от позора, рабства и гнета капитала, но лишь в устройстве жизни, при которой вся полнота власти находится у самого трудового народа и ни в какой степени не передается какому бы то ни было органу или политической партии. Освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся — этот лозунг означает не только то, что трудящиеся могут освободиться от капиталистического рабства лишь своими усилиями, но также и то, что новая свободная жизнь трудящихся может быть построена только самими трудящимися и никем больше. Путь этого строительства давно указывал трудовому народу революционный анархизм, и наша великая рабоче-крестьянская революция с особенной яркостью указывает нам сейчас на этот путь. Это путь самостоятельности рабочих и крестьянских масс, путь их революционного творчества. Мы пережили все виды государственной власти, начиная от самой реакционной монархической и кончая самой революционной, большевистской.

Все они показали нам невозможность творить свободную жизнь народа силою государственной власти. Творчество свободной революционной жизни народа это колоссальное дело, глубокое и беспредельное, как океан, и всякая власть, берущая на себя смелость творить эту жизнь и требующая себе подчинения от народа, запутывается в непосильном для нее деле, не желая сознаться в своем революционном банкротстве, становится тираном над народом. Для нас, борющихся за полное освобождение и равенство трудящихся, ясен путь нашей борьбы.

Пусть себе та или иная власть сидит в Харькове или в Москве и воображает, что она творит революцию — мы, дети революции и сыны трудового народа, будем творить свою судьбу у себя на местах. У себя в деревнях и селах мы, прогнав помещиков и рабочих дармоедов и угнетателей, а в городах фабрикантов, банкиров и иных капиталистов, и взяв в общее достояние их собственность, соединимся в вольные общины, здраво и дельно обсудим наши хозяйственные и общественные дела и сообща решим их. Если для проведения в жизнь наших общинных дел нам нужны исполнительные органы, мы создаем их, не наделяя их никакой властью, а лишь давая им определенные поручения, исполнить которые является их прямою обязанностью. Такие органы лишь исполняющие постановления рабочих и крестьянских масс, не будут органами власти, а лишь органами исполнения народной воли и народных дел.

Городские свободные союзы рабочих и сельские общины крестьян устанавливают между собой продуктообмен, который затем приведет их к единой трудовой коммуне, где каждый будет жить для всех и все для каждого.

Мы, повстанцы, больше чем кто-либо видим и понимаем способ безвластного строения своей жизни. В таком ответственном деле, как свержение гетманщины, борьба с наседающей на нас контрреволюцией, мы проявили почину, энергии и творчества более, чем армии, двигаемые государственной властью. Творчество и инициативу мы проявили затем в своем хозяйственном строительстве, создав ряд вольных коммун, обходясь при этом без многочисленных комиссаров и чрезвычайок. Нам лишь следует покрепче усвоить этот способ и шире, энергичнее и смелее применять его во всех областях нашей жизни. И тогда мы достигнем своего полного освобождения- равенства всех трудящихся и уничтожения над ним всякого властвования и всяких привилегий, и не страшны нам будут разные властелины, каждый на свой лад пугающие нас своей диктатурой. Свободный народ, понимающий свои права, преисполненный революционной энергии и самодеятельности, ничего не устрашится, твердо и неукоснительно пойдет по пути своего окончательного освобождения, легко устраняя все преграды, становящиеся на его пути.

Пусть же воцарится на земле полная свобода и действительное равенство трудящихся!

Во имя этого равенства и свободы теснее сомкнем свои боевые колонны!

Пусть громовыми раскатами пронесется клич по всей революционной России: “Долой гнет капитала и государства!”

И пусть живет царство Правды и Свободы — Анархический Коммунизм!..

Батько Махно»[517].

23 мая пала резиденция Григорьева г. Александрия, а 25 мая под давлением Троцкого, Пятакова и Раковского Совет Оборона Украины вынас постановление, которое срочно было отправлено в Москву. В телеграмме говорилось:

«Из Киева Совнаркома. Срочно вне всякой очереди

В Москву Реввоенсовет Республики, копия Председателю Совета Оборона Ленину.

На заседании совета Рабоче-Крестьянской Оборона Украины от 25-го сего мая постановлено:

1. Ликвидировать махновщину в кратчайший срок.
2. Предложить ЦК советских партий (коммунистов и укр. соц. революц.-коммунистов) срочно принять политические меры к ликвидации махновщины.
3. Предложить командованию УССР в течение суток разработать военный план ликвидации махновщины.
4. Предложить ЧК прифронтовой полосы организовать из своих отрядов полк, который должен быть немедленно брошен в район действия Махно.
5. Обратиться к Реввоенсовету Южфронта через Реввоенсовет Республики для координации действий по ликвидации Махно.
6. Это постановление довести до сведения Реввоенсовета Республики по телеграфу.

№ 1774 26 мая 1919 года

Председатель Обороны Раковский»[518].

Наконец-то, что так долго вынашивалось свершилось.

Мы из последних сил держали фронт от Азовского моря до с. Тарамчук (8 в. севернее Велико-Анадоля) и, несмотря на отсутствие боеприпасов и пополнения, даже наступали.

Но общая картина получалась удручающая.

Революционный повстанческий район с запада (наш тыл) блокировался красными заградительными отрядами, отрядами ЧК, продотрядами, а по линии Днепра оборону против нас занимали регулярные войска, освобождающиеся с григорьевского фронта. Частям и отрядам, находящимся в нашем районе и в линии нашей обороны, руководимым коммунистами, было дано указание не подчиняться приказам штаба Махно и никакой помощи махновцам не оказывать[519] и по возможности выходить из махновского района в тыл, к Днепру, к красным войскам.

С востока, по линии фронта, мы сдерживали яростный натиск сытых, свежих, прекрасно вооруженных и технически оснащенных, спаянных дисциплиной деникинцев.

С севера нам угрожал конный корпус Шкуро, а с юга обстрел кораблей Антанты и десант с Азовского моря.

Предчувствие катастрофы временами леденило душу и навевало тяжелые думы.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 апреля 2025 23:03:44

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 23:09:26